

А.В. Ганин

Становление Красной армии во взаимоотношениях ее первых руководителей: М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис и С.С. Каменев¹

На обложке книги замечательного отечественного военного историка А.Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе республики Советов 1917–1920 гг.» (М., 1988) можно видеть портреты трех бывших офицеров русской армии – двух советских главкомов бывших полковников И.И. Вацетиса и С.С. Каменева, а также военного руководителя Высшего военного совета бывшего генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича. Попали они на обложку книги не случайно, поскольку занимали высшие посты в Красной армии и, по сути, были ее отцами-основателями. Все они являлись по меркам своего времени высокообразованными офицерами, поскольку обладали академическим образованием и были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба. Все трое тогда были беспартийными и таковыми, за исключением Каменева, остались до конца жизни. С деятельностью каждого из них связан целый период истории советских вооруженных сил эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Однако, как нередко бывает, взаимоотношения создателей РККА не отличались теплотой, что так или иначе влияло и на вопросы военного строительства. В этом очерке предпринята попытка характеристики личностных и служебных особенностей М.Д. Бонч-Бруевича, И.И. Вацетиса и С.С. Каменева, а также анализа влияния их взаимоотношений на становление Красной армии в период Гражданской войны.

Одним из первых генералов, пошедших на службу большевикам, был Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (24.02.1870 – 03.08.1956), родной брат которого, Владимир, был давним спод-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

вижником В.И. Ленина, а после прихода большевиков к власти занял важный пост управляющего делами Совета народных комиссаров (СНК).

В старой армии Бонч-Бруевич обладал неоднозначной репутацией. Прежде всего, он был известен как ярый противник важных преобразований в Императорской Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны, инициированных группой известного военного ученого Н.Н. Головина. Будучи учеником видного военного ученого генерала М.И. Драгомирова, Бонч-Бруевич и накануне Первой мировой войны продолжал отстаивать его устаревшие еще до русско-японской войны взгляды на военное дело. Как это нередко бывает, различие во взглядах с другими сотрудниками по Николаевской академии привело к возникновению личной неприязни. Бонч-Бруевич распускал слухи о том, что участники кружка Головина плетут заговор и даже назвал их «младотурками» (по наименованию группы турецких офицеров, организовавшей в 1908 г. вооруженный переворот в Османской империи). В результате группа Головина оказалась изгнана из академии, был снят с должности и начальник академии генерал Д.Г. Щербачев. Между тем, никакой политической составляющей в деятельности кружка не было. В итоге и сам Бонч-Бруевич столкнулся с отторжением преподавательского состава академии. Градус неприятия был таков, что преподаватели при его отъезде из академии в войска голосовали против организации традиционных проводов¹. Сторонники Головина, в целом, хорошо проявили себя на фронтах Первой мировой войны.

Как ученик Драгомирова Бонч-Бруевич пользовался некоторым влиянием в военных кругах, но отношение целого ряда генштабистов к нему было презрительным: его считали грубым и тупым интриганом. Помимо причастности к разгону кружка Головина в предвоенной академии, Бонч-Бруевич сыграл важную роль в фабрикации печально известного дела полковника С.Н. Мясоедова в годы Первой мировой войны². Современникам в его действиях виделись «властность, упорство, настойчивость, а также некоторая озлобленность»³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 16. Л. 48.

² Подробнее см.: *Айранетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. 1915 год – Апогей. М., 2014. С. 37–44, 56–59.

³ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 48. Л. 45.

В 1917 г. Бонч-Бруевич сумел поймать революционную волну и приспособиться, причем как при Временном правительстве, так и при большевиках. Для изворотливого человека со склонностью к карьеризму это не составило труда. Нетипичный для генерала русской армии факт – Бонч-Бруевич стал членом исполнительного комитета псковского совета рабочих и солдатских депутатов, где проводил многие часы¹. Параллельно он работал с прежней военной элитой, стремясь к неформальному лидерству в которой выступил инициатором создания объединения генштабистов с политическими целями. Сам он возглавил общество офицеров Генерального штаба Северного фронта, где служил. По задумке Бонч-Бруевича, деятельность фронтовых объединений генштабистов должна была возглавлять аналогичная организация в Ставке, а в мирное время – в Главном управлении Генерального штаба². В своих воспоминаниях Бонч-Бруевич постарался показать, что никакого интереса к организации генштабистов не имел и глухо упоминал о том, что возглавил ее по неискушенности в политике³. Едва ли это соответствовало действительности.

Неудивительно, что Бонч-Бруевич выступил и против движения генерала Л.Г. Корнилова⁴. Начало его сотрудничества с большевиками изложено Бонч-Бруевичем в показаниях по делу «Весна». Бывший генерал отмечал: «В момент Октябрьской Революции я находился в Ставке, по приказам считался состоящим в распоряжении Верховного Главнокомандующего; фактически я просто жил в г. Могилеве в отведенном мне № гостиницы “Франция”. 20го ноября 1917 г. в Ставку прибыл т. Крыленко и предложил мне от имени Советской власти вступить в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего с тем, чтобы ликвидировать царскую армию и Ставку, на что назначается примерно три месяца. Я ответил, что целиком подчиняюсь Советской власти и принимаю назначение. Т. Крыленко сказал: “Действуйте!”. Утром 21го ноября, по указанию т. Крыленко, я собрал старших начальников Ставки; и к ним пришел т. Крыленко и вел с ними, в моем присутствии, продолжительную беседу о задачах Советской власти. По

¹ *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 181.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 4об.

³ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 145.

⁴ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 65. Л. 290.

окончании беседы я спросил: “Все ли остаются на службе?”. Помню, что 2 человека заявили, что уходят в отставку...»¹

О своем отношении к Советской власти Бонч-Бруевич сообщал: «Общее мое настроение заключается в том, что я с самого начала Октябрьской революции вполне понял и признал для себя обязательными те основания, на которых Советская власть строит социалистическое государство. Став на такую точку зрения, я руководствовался ею во всех своих действиях и суждениях, исполняя все обязанности, порою весьма сложные, которые на меня возлагала Советская власть, как в мирное, так и в военное время... теперь и отношения к старой военной среде несколько сгладились, потому что всем теперь (подчеркнуто Бонч-Бруевичем. – А.Г.) ясно, что я был прав, ставши на точку зрения Советской власти»².

До революции Бонч-Бруевич придерживался крайне правых, черносотенных и антисемитских взглядов (по характеристике генерала Лукомского, был «правее правых»), а в первую русскую революцию даже призывал уничтожать революционеров без суда и следствия (непонятно, правда, как это сочеталось с деятельностью его родного брата – старого большевика)³. В 1917 г. и позднее с ним, как и со знаменитым генералом А.А. Брусиловым, прежде целовавшим ручку представителям дома Романовых, чтобы подчеркнуть свою особую преданность⁴, произошла резкая переме-

¹ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 45–45об.

² Там же. Л. 5–5об.

³ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры. Колумбийский университет (BAR). Tikhobrazov papers. Box 3. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Глава X. В Ставке после революции. Л. 133; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2. Борьба генерала Корнилова август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 2003. С. 96; *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 174 (к сожалению, работа Лукомского вошла в это издание с произвольными купюрами, коснувшимися в т.ч. характеристики Бонч-Бруевича, полную характеристику см.: *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 101–102); *Снесарев А.Е.* «Вся Россия – больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 38.

⁴ *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 102–103; *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 64.

на. Как и Брусилов, Бонч-Бруевич оказался беспринципным карьеристом. Неудивительно, что он прижился в новых условиях, стал сотрудничать с возглавившим советское военное ведомство Л.Д. Троцким и даже, избежав репрессий, сравнительно благополучно дожил в СССР до глубокой старости¹.

При этом нужно учитывать, что усилению критических оценок в эмигрантских воспоминаниях способствовала очевидная неприязнь недавних белых к своему большевизировавшемуся сослуживцу. Осенью 1917 г. генштабисты из Ставки решили не подавать ему руки². Генерал А.П. Будберг именовал его «мерзейшей памяти “Маскоттой”³ старичка Рузского»⁴. Быховские арестанты осенью 1917 г. даже отправили могилевскому совету книгу Бонч-Бруевича с шуточной надписью «Дорогому могилевскому совету от преданного автора»⁵.

Полковник Б.Н. Сергеевский писал в эмиграции вдове генерала А.И. Деникина о Бонч-Бруевиче: «Мое мнение о нем было и осталось – это самый отвратительный из отрицательных наших генералов, как с точки зрения вопроса о генеральской годности, так и с общечеловеческой точки зрения.

По своим взглядам на военное дело – это один из наиболее тупых и бесталанных сторонников нашей школы 19-го века, притом, совершенно бессовестный.

Человек, совершенно не терпящий каких-либо противоречий со стороны младших, даже, если они стараются ему помочь...»⁶

В своих опубликованных воспоминаниях, которые, в большей степени, являются образцом советской политической мимикрии, чем непредвзятым свидетельством прошлого, Бонч-Бруевич заискивающе писал, что «скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти

¹ Подробнее о Бонч-Бруевиче см.: *Новиков П.* Лицо неответственное. Победы генерала Бонч-Бруевича // *Родина.* 2009. № 12. С. 129–132.

² VAR. Tikhobrazov papers. Вох 3. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Глава X. В Ставке после революции. Л. 133.

³ Маскотта – талисман.

⁴ *Будберг А.П.* Дневник // *Архив русской революции.* Т. 12. Берлин, 1923. С. 270.

⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 96.

⁶ VAR. Anton and Kseniia Denikin Collection. Вох 27. Б.Н. Сергеевский – К.В. Деникиной. 20.10.1965.

Россию от развала и полного уничтожения. Нутром я верил Ленину...»¹ Однако сослуживцы Бонч-Бруевича не верили в его идейность, утверждая (мнение генштабиста А.Н. Ковалевского, изложенное в дневнике бывшего генерала А.Е. Снесарева), что такие, как он, «предадут брата родного... и довольно дешево»².

Именно Бонч-Бруевич через свои родственные связи стал тем связующим звеном, которое соединило большевиков с генштабистами. Особенно важно для новой власти это было в первые месяцы ее существования, когда связи партийного руководства с генералитетом еще только налаживались. Генерал П.И. Аверьянов вспоминал о своем восприятии Бонч-Бруевича осенью 1917 г.: «Все же мой коллега... который хотя и служил уже большевикам, но, думалось мне, не утратил же еще “общего языка” с нами и мог нас понимать»³.

О том, что Бонч-Бруевич стал знаменем для части генштабистов, свидетельствовал его ближайший сотрудник, бывший генерал С.Г. Лукирский: «М.Д. Бонч-Бруевич многократно и на долгие периоды являлся моим прямым начальником по службе в старой армии во время мировой войны, а также в Ставке Верховного Гл[авнокомандую]щего после Октябрьской революции и в Высшем военном совете (председатель Л.Д. Троцкий) в 1918 году.

М.Д. на меня всегда производил впечатление деятеля кипучей энергии, крайне инициативного, решительного, обладающего необычайной работоспособностью. Ему всегда была свойственна какая-то особая жажда живой деятельности: работе он отдавался всецело и вне ее, как-то, совсем не имел интересов.

Очень религиозен.

Способен к резким, грубоватым нападкам на подчиненных, допустивших действия не одобренные М.Д. ... М.Д. являлся среди нас б[ывших] офицеров Генер[ального] штаба очень крупной фигурой, благодаря свойствам своего характера и тому высокому положению служебному, которое он занимал во время Мировой войны и после Октябрьской революции и может быть объединяющим лицом крупной части б. офицеров Генерального штаба»⁴.

¹ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 226.

² *Снесарев А.Е.* Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

³ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 362.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 67–68.

По свидетельству слушателя ускоренных курсов академии А.А. Бурова, Бонч-Бруевич «в старое время... монархист, после революции – один из первых организаторов Красной армии. Человек огромной энергии и трудоспособности, бюрократического склада, слабо ориентирован в вопросах современного военного искусства, ввиду плохого знакомства с современной военной техникой»¹.

Генерал П.С. Махров дал следующую характеристику: «Он был ловкий оппортунист, карьерист, стремившийся быть замеченным и отмеченным, как ученый и передовой человек, но по существу дела он ни тем, ни другим не оказался. Творческого ума и ораторства лектора у него не было»².

По оценке генерала А.Е. Снесарева, «политическое лицо Бонч-Бруевича такое: близкий когда-то подсобник ген. Драгомирова, всегда “густо черный”, занимавший в акад[емии] Ген. штаба правое крыло, он может быть только ярым и крайним монархистом, что подтверждается и его религиозностью, спускающейся до формальной церковности³. Как человек властный и упорный, к тому же располагающий широкой базой подчиненных, он имеет самые широкие возможности для организации такого кружка или даже общества, которые выполняют всякие его указания, подсказанные Бонч-Бруевичу и его политическими взглядами и яркой враждебностью его настроений»⁴.

По всей видимости, наиболее точно отношение к Бонч-Бруевичу в офицерской среде обрисовал полковник Д.Н. Тихобразов: «Судьба его не баловала. Никто его не любил. “Белые” считали его “красным”; “красные” видели в нем “белого”. Передовые старого режима окрестили его “черносотенцем”. Многие офицеры Генер[ального] штаба высказывались о нем, как о “с.с.”»⁵.

При этом Бонч-Бруевич отличался исполнительностью и заботой о близких ему офицерах, даже в трудных условиях Советской России. Характерно как с точки зрения адресата, так и в смысле

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 65.

² VAR. P.S. Makhrov collection. Vox 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 242.

³ Подчеркнуто красным карандашом.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 112–113.

⁵ VAR. Tikhobrazov collection. Vox 4. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. Л. 67.

описываемых реалий письмо арестованного бывшего полковника А.В. Косматова Бонч-Бруевичу, написанное в декабре 1917 г.: «Глубокоуважаемый Михаил Дмитриевич! В тяжелую пору своей жизни обращаюсь я к Вам, своему бывшему учителю, давшему мне всю основу для последующей работы на пользу родины и во славу армии. Я начальник разведыв[ательного] отделения штаба 12^й армии, б[ывший] Ген[ерального] шт[аба] полковник Косматов. После первой революции работал в полнейшем контакте с армейским исполнит[ельным] органом и комиссарами. После октябрьской революции также твердо остался на своем посту и, прежде всего, поспешил войти в контакт с в[оенно]-рев[олюционн]ым комитетом, а затем новым искосолом¹, которые и благословили меня на продолжение дела разведки впредь до распоряжения. Само собою разумеется, новую власть признал без колебаний... Меня даже, еще во времена Беляева, держали подальше от к[онтр]р[азведки] в виду моей постоянной оппозиции тех безобразий, какие происходили под флагом к[онтр]р[азведки], и у Беляева я был непрерывно в опале... В остальном, нет ни у кого и никаких оснований обвинять меня в к[онтр]р[еволюции]. Всегда, насколько было возможно при старом режиме, был левее всех окружающих; сам я вышел из народу и не мне изменять народу! Выхожу, без вины виноватым, правильнее – обвиняемым! К Вашему заступничеству обращаюсь я»². Бонч-Бруевич просил ускорить расследование³.

Бонч-Бруевич вспоминал о том, как завершив дела в Могилеве, приступил к организации Красной армии: «К 19 февраля 1918 г. я закончил все работы по расформированию штаба (Ставки) и, сдав городскому управлению быв[ший] губернаторский дом, в котором размещался штаб, переехал в гостиницу “Франция”. Отсюда я предполагал в качестве отставного вояки уехать в Чернигов, откуда 25 июля 1914 г. я выступил походом на войну во главе 176 пехотного Переволоченского полка»⁴. Однако вечером поступила срочная телеграмма В.И. Ленина, приглашавшего Бонч-Бруевича со Ставкой прибыть в Петроград. На следующий день вечером

¹ Искосол – Исполком Совета солдатских депутатов 12-й армии Северного фронта.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1381. Л. 232–232об.

³ Там же. Л. 234.

⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Первые дни Красной армии (воспоминания) // Война и революция (Москва). 1929. Кн. 2. С. 38.

Бонч-Бруевич и его сотрудники, в том числе бывшие генералы-генштабисты А.С. Гришинский, С.Г. Лукирский, Н.И. Раттэль и Н.А. Сулейман, выехали, а вечером 22 февраля прибыли в столицу.

Бонч-Бруевич фактически возглавил оборону Советской России от внешнего врага в феврале-марте 1918 г. После совещания с Лениным и другими представителями новой власти он приступил к работе в Смольном, где разместился в комнате по соседству с кабинетом Ленина. 25 февраля Бонч-Бруевич в качестве военного специалиста вошел в Бюро Комитета революционной обороны Петрограда, руководившего обороной столицы от немцев. Работа эта была успешной. Петроград удалось защитить, немецкое наступление на северо-западе России остановилось. Позднее под руководством Бонч-Бруевича на западе страны для защиты от немцев была создана система войск завесы.

После подписания 3 марта Брестского мира СНК принял решение, а на следующий день издал декрет о создании нового центрального органа военного управления – Высшего военного совета (ВВС), который должен был руководить всеми операциями на фронтах, а также заниматься вопросами формирования Красной армии. Посредством этого нового органа впервые во главе Красной армии были поставлены военные специалисты, что вызвало волну возмущения в партийных кругах. Тем более, что ВВС формировался как орган, полномочия которого превышали власть коллегий наркоматов по военным и морским делам. Военным руководителем ВВС с правом прямого обращения к Ленину стал Бонч-Бруевич, а чуть позже, с 19 марта, председателем ВВС стал Л.Д. Троцкий, занявший также пост народного комиссара по военным делам.

ВВС организовал учет воинских частей, соединил их в отряды завесы под руководством опытных военных руководителей, как правило, из бывших офицеров-генштабистов. Бонч-Бруевич 16 марта направил Ленину доклад, в котором указал на необходимость сохранения завесы до замены ее отрядов частями регулярной армии¹. С мая отряды завесы развертывались в территориальные дивизии, получившие наименования по названиям соответствующих губерний, тем временем внутри страны шло создание военных округов.

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 248.

О границах допустимого во взаимоотношениях с Лениным красноречиво свидетельствует тот факт, что 27 мая 1918 г. Бонч-Бруевич без обиняков писал председателю СНК о том, что существует «фактически уже установившееся германское рабство (подчеркнуто в документе. – А.Г.) в России»¹. Обычному человеку подобные суждения в то время могли дорого обойтись.

О том, насколько близко стоял Бонч-Бруевич к Ленину, свидетельствует история с имуществом бывшего генерала. Сохранность имущества Бонч-Бруевича, оставшегося с 1914 г. в Чернигове, вызывала беспокойство. Домашние вещи бывшего генерала в мае 1919 г. были реквизированы. Бонч-Бруевич сообщил об этом своему брату Владимиру – управделами СНК, а тот пожаловался председателю СНК В.И. Ленину. В.Д. Бонч-Бруевич 8 мая 1919 г. сообщал брату об итогах этой жалобы: «6/V-19 г. мною было доложено председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ильичу Ленину о Вашем заявлении о реквизиции Ваших домашних вещей в г. Чернигове. Председатель Совета народных комиссаров тотчас же распорядился дать телеграмму председателю Совнаркома Украины тов. Раковскому о сохранении в целостности Ваших вещей, особенно библиотеки и архива, предлагая тов. Раковскому сделать распоряжение Черниговскому исполкому. На эту телеграмму председателя Совнаркома 7/V-19 г. получен ответ из Киева следующего содержания: “Распоряжение Черниговскому Исполкому о сохранении в целостности вещей и библиотеки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевич сделано. Предсовнаркома Раковский”. Об этих распоряжениях высших властей Российской и Украинской Советских Республик Вас уведомляю»². Более того, председатель СНК УССР Х.Г. Раковский поспешил дополнительно телеграфировать Ленину и Бонч-Бруевичу 23 мая 1919 г.: «Удостоверяем, что ничего не расхищено и не растрчено непроизводительно»³. Впрочем, Бонч-Бруевич позднее утверждал, что имущество все-таки пропало⁴. Как бы то ни было, на столь высокое заступничество мог рассчитывать из всех военспецов, наверное, только один Бонч-Бруевич, тесно связанный с большевистским руководством. В то же время этот случай наглядно свидетельствует о зарождавшемся в совет-

¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 116. Л. 6об.

² РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

³ Там же. Л. 6.

⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 329.

ских условиях неравенстве военспецов – когда у представителей власти появлялись любимчики, приближенные, выдвиженцы, на которых не распространялись общие для остальных законы и подходы. Очевидной привилегией было и то, что по данным на декабрь 1918 г. Бонч-Бруевич жил и работал в Кремле¹.

Стремительное возвышение, несомненно, тешило самолюбие человека, для которого карьера была не пустым звуком. Фактически Бонч-Бруевич оказался первым и главным среди военных специалистов Советской России, считался приближенным Ленина и Троцкого, причем де факто являлся выдвиженцем первого. Еще был бывший генерал Н.М. Потапов, занимавший пост управляющего делами наркомата по военным делам, но должность Бонч-Бруевича была более значимой (вскоре Потапов покинул ключевые посты в РККА). В таком привилегированном положении Бонч-Бруевич находился примерно до середины 1918 г. Тогда в РККА начали создаваться фронты, и в связи с эскалацией Гражданской войны на первый план вышла борьба с внутренним врагом, а не организация перспективной обороны на демаркационной линии с немцами, которой занимался Бонч-Бруевич, ждавший восстановления Восточного фронта против немцев. Соответственно, первенство в неформальной иерархии военспецов стало переходить к новым людям, связанным с управлением Красной армией на внутренних фронтах.

У Бонч-Бруевича появился сильный соперник, которым стал бывший полковник Иоаким Иоакимович Вацетис (11.11.1873 – 28.07.1938), зарекомендовавший себя перед партийным руководством успешным подавлением восстания левых эсеров в Москве в июле 1918 г. и назначенный после этого в качестве признания заслуг главнокомандующим Восточным фронтом. Борьба за первенство среди военспецов сделала отношения Вацетиса и Бонч-Бруевича, не отличавшиеся теплотой и ранее, откровенно нетерпимыми.

Сын батрака, латыш по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, Вацетис одним фактом того, что был инородцем и иноверцем, уже не располагал к себе оказавшуюся в РККА многотысячную массу бывших офицеров, не исключая и тех, кто, как и он сам, окончил академию Генерального штаба. Массовое выдвижение латышей на высокие посты во властной вертикали Совет-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 512.

ской России было характерным явлением того времени. Достаточно отметить, что в ВЧК в 1918 г. они составляли 48,1% сотрудников и более 50% управленцев и специалистов, а в СНК – 11,1%¹. В обществе того времени латышские стрелки не без оснований воспринимались как своего рода преторианская гвардия большевистского режима, что также не добавляло симпатий к главкому.

Академию Генштаба Вацетис окончил неудачно – был лишь 52-м из 53-х выпускников 1909 г. и не был причислен к Генеральному штабу². Впоследствии он объяснял академическую неудачу своим непокорным характером, натолкнувшись на традицию академии – не возражать оппонентам. Вацетис якобы уличил оппонента в незнании и ехидно заявил, что согласен со всеми уже высказанными и еще предстоящими замечаниями³. После такого демарша о высоком балле нечего было и думать. Впрочем, однокашники будущего главкома вспоминали иное. Так, участник Белого движения, генерал М.М. Георгиевич отмечал: «Из моих однокашников-слушателей не осталось почти никого. Кое-кто попал на службу к красным. Из них пошел добровольно и “прославил” свое имя как первый “главковерх”, полковник Вацетис – латыш. Хорошо помню этого, уже сравнительно пожилого, тихого офицера, из солдат Рижского унтер-офицерского батальона. Знал немецкий язык и был чрезвычайно трудолюбив. Но не хватало способностей. Протянул еле-еле все три курса до конца. А в результате – оказался “под чертой” – в числе не попавших... Очень глубоко переживал свою неудачу... Возможно, что эта обида и подтолкнула его на “смену вех”...»⁴ Принимая во внимание такую характеристику, будем помнить и то, что для мемуариста из антибольшевистского лагеря фигура пошедшего к красным (явно менее способного, но более успешного в карьерном плане) однокашника была сама по себе одиозна, что сказалось на объективности суждений и оценок. В этой связи обратимся к аттестациям периода обучения Вацетиса. К примеру, полковник С.К. Добророльский по итогам полевых занятий в младшем классе академии 20 августа 1907 г. высоко оце-

¹ *Капчинский О.И.* Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 222, 225.

² *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 182.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.

⁴ *Георгиевич М.М.* Свет и тени. Сидней, б.г. [1968]. С. 94–95.

нил штабс-капитана Вацетиса: «Очень старательно и с успехом работал, быстро усваивая преподанные ему указания. Основательно знает теоретический курс младшего класса. Видно, что не довольствуется одними учебниками, а читает; интересуется в широком смысле военными знаниями. Солидный служебный опыт. Воспитанный, корректный офицер. Чертежом владеет плохо. С большим акцентом говорит по-русски и не всегда находчив при подыскивании подходящих русских выражений»¹.

Академическая неудача, безусловно, повлияла на Вацетиса, как влияла и на многих других². В своих назначениях он старался избегать старых генштабистов и опирался на менее квалифицированные, чем он сам, кадры выпускников ускоренных курсов Военной академии эпохи Первой мировой войны – курсовиков³. Так, уже став главкомом он настойчиво продвигал на пост начальника штаба Реввоенсовета республики (РВСР) курсовика П.М. Майгура, ранее бывшего у Вацетиса начальником штаба на Восточном фронте, а до этого служившего в штабе 3-й армии⁴. О выпускниках ускоренных курсов Вацетис высоко отзывался еще летом

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 386.

² К примеру, оренбургский атаман А.И. Дутов, окончивший академию неудачно, старался назначать в подчиненные ему войска и других неудачно закончивших академию офицеров (*Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 54–55).

³ Подробнее о курсовиках: *Ганин А.В.* «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // *Родина*. 2014. № 8. С. 62–66.

⁴ О назначении Майгура Вацетис писал: «Впоследствии я несколько не жалел об этом своем выборе. Тов. Майгур явился для меня тем честным и добросовестным помощником, который так необходим главнокомандующему в его разнообразной и трудной работе. Правильно понимая работу Генерального штаба в боевой обстановке, тов. Майгур не обладал кичливым самолюбием и, если разработанные им планы боевых действий или организационных мероприятий не отвечали моим намерениям, а приводимые им доводы не убеждали меня, и я продолжал оставаться при своем решении, – он без всякого оскорбленного самолюбия откладывал свой разработанный план в сторону и с не меньшей энергией и добросовестностью принимался за разработку нового плана, согласно моих указаний. Это – великая черта отличного генштабиста. Благодаря этому, мы всегда легко находили и общий язык и быстрое понимание друг друга» (РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 338).

1918 г. Тогда он писал, что последние выпуски академии «обладают большим опытом [и] знанием»¹.

Еще в 1917 г. Вацетис стал одним из лидеров сплоченной группы своих земляков-латышей, с которыми не расставался и в Гражданскую войну вплоть до своего ареста летом 1919 г. В революционном 1917 г. он явно стремился достичь карьерных высот. Как отмечал комиссар Временного правительства на Северном фронте В.С. Войтинский, Вацетис «особенно ревностно помогал мне в улаживании недоразумений с латышскими стрелками... Когда я познакомился с ним, он был в непримиримой оппозиции против Временного правительства. Но его настроение переменялось после моего обещания выхлопотать ему производство в генералы»². Документы же свидетельствуют и об иных настроениях Вацетиса тех дней. Один из его проектов, датированный 20 мая 1917 г., предполагал занятие А.Ф. Керенским поста главнокомандующего. В обоснование этой мысли отмечалось, что «Керенский – единственный человек, который может дать революционной армии недостающий ей мощный импульс».

Керенский – маховое колесо свободной революционной России и он должен стать во главе Действующей Армии под названием – Верховный Вождь русской армии»³. Вацетис полагал, что революционная армия только крепнет⁴.

Вацетис обратил на себя внимание большевистского руководства в самом начале 1918 г., отличившись в борьбе с польским корпусом генерала И.Р. Довбор-Мусницкого в Белоруссии. С тех пор его позиции стали укрепляться. Весной 1918 г. он стал командиром Латышской стрелковой дивизии. Трамплином же к достижению высшего поста в РККА стало лояльное большевикам поведение и решительные действия в период подавления восстания левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г. Успешное подавление было осуществлено, в значительной степени, благодаря Вацетису и верным ему латышским стрелкам. В результате большевистская власть в столице удержалась. Вацетис произвел тогда благоприятное впечатление на председателя СНК В.И. Ленина, с которым вместе с Н.И. Подвойским они в тот тревожный день ели хлеб в

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 108.

² *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 200.

³ ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 80б.

секретариате Ленина, отламывая от одного куска¹. На всю жизнь будущий главком запомнил вопрос Ленина, обращенный к нему: «Товарищ, выдержим до утра?»² Благодаря успеху в подавлении восстания, Вацетис уже через несколько дней возглавил борьбу с внутренней контрреволюцией на единственном тогда Восточном фронте.

Отношения с другими видными военспецами, стоявшими у истоков Красной армии, М.Д. Бонч-Бруевичем и С.С. Каменевым, складывались у Вацетиса непросто. Вацетис прямо отмечал недоброжелательность по отношению к себе со стороны Бонч-Бруевича, когда стало известно о высоком назначении, причем связывал это с конкуренцией³. С подчиненностью Вацетиса полной определенности не было. С одной стороны, Вацетис подчинялся ВВС и Бонч-Бруевичу, как его военруку, с другой – работал напрямую с Троцким и Лениным, а по линии обеспечения войск зависел от оперативного отдела наркомата по военным делам (Оперода), который возглавлял С.И. Аралов.

Их конфликт с Бонч-Бруевичем имел долгую предысторию. Вполне возможно, что его истоки относятся к учебе Вацетиса в академии. Во всяком случае, Вацетис упоминал в мемуарах о конфронтации с не терпевшим возражений профессором на экзамене по тактике⁴. Именно таким человеком был Бонч-Бруевич. Один из знавших его офицеров, вспоминая Офицерскую стрелковую школу, отмечал: «В особенности отличался полковник Бонч-Бруевич, тот самый, который так ревностно в настоящее время служит большевикам. Ему даже на его несправедливое замечание нельзя было возразить, да он и разговаривать не станет, а то вылетишь из школы или поставят дурные отметки»⁵.

Запомнившийся обоим конфликт⁶, видимо, случился уже в Могилеве в конце 1917 г. Бонч-Бруевич занимал тогда пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего, а Вацетис руководил оперативным отделом революционного Полевого штаба.

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

³ *Вацетис И.И.* Гражданская война. 1918 год // Память. Исторический сборник. Вып. 2. Париж, 1979. С. 53.

⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 97.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 27. Л. 22об.

⁶ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 315.

Документально же конфронтация прослеживается с более позднего времени.

Вацетис отмечал, что «разногласия между мною и М.Д. Бонч-Бруевичем носили непримиримый характер»¹. Возможно, Вацетис, который был младше Бонч-Бруевича на три года по возрасту и младше по службе, считал этого бывшего генерала недостаточно энергичным для Гражданской войны. Бонч-Бруевич же, как отмечалось, скорее всего, увидел в Вацетисе конкурента в борьбе за лидерство среди военспецов. Хорошим отношениям не способствовало и то, что Вацетис и Бонч-Бруевич в разное время были один для другого как начальником, так и подчиненным. Если в 1918 г. Вацетис, будучи главнокомандующим Восточным фронтом, подчинился Бонч-Бруевичу, то летом 1919 г. уже Бонч-Бруевич некоторое время по должности начальника Полевого штаба РВСР служил подчиненным Вацетиса.

Если верить мемуарам Вацетиса, конфликт с Бонч-Бруевичем в 1918 г. даже предопределил конфигурацию высших органов управления РККА. По свидетельству Вацетиса, с этим связано создание поста главнокомандующего Восточным фронтом, а не военного руководителя, как ранее практиковалось в войсках завесы. Документальная основа для подобных утверждений имеется. Бонч-Бруевич, считавший, что вскоре должна возобновиться война с Германией, стремился насадить подобие завесы и на востоке страны, хотя считал «чехословацкий» фронт второстепенным. Созданный здесь в июне Восточный фронт директивами ВВС № 2993 и 3017 от 3 и 5 июля 1918 г. был переименован в восточный участок отрядов завесы (позднее, 4 августа, на севере России по аналогии был создан северо-восточный участок отрядов завесы)². Эта мера развития не получила, а РВС опротестовал преобразование. В изъятие из правил 11 июля Вацетис получил от СНК именно должность главнокомандующего фронтом³. Более того, при Вацетисе

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 287.

² Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): сб. док. М., 1969 (далее – ДГК). С. 847; *Симонов А.А.* Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия «История. Международные отношения». Вып. 1. С. 36.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 287; Главкомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис: сб. док. Рига, 1978. С. 37.

был полноценный РВС фронта, обладавший неограниченными полномочиями в прифронтовой полосе. Вацетис считал, что за веса с ее отрядами вместо армий годится только для ловли контрабандистов¹. Он сразу понял значимость Восточного фронта и планировал создать здесь серьезную вооруженную силу. Однако распоряжения Бонч-Бруевича в отношении этого фронта тормозили дело военного строительства здесь и, по сути, отбрасывали его ко времени весны 1918 г. Сам Вацетис был склонен вести прямую переписку с В.И. Лениным в обход Бонч-Бруевича². По мнению Вацетиса, Бонч-Бруевич «стремился поставить своего конкурента в такое же положение, в каком находились лишенные размаха действий жалкие военруки завесы отрядов на западе, севере и юге»³. По словам Вацетиса, «военрук Высшего военного совета [Бонч-Бруевич] вел себя по отношению к Восточному фронту как дежурный по караулам»⁴. Под воздействием неприязни к Бонч-Бруевичу Вацетис добавлял: «Лично мне даже кличка “военрук” казалась противной и отвратительно-мерзкой»⁵.

Следующим шагом Вацетиса на пути к руководству Красной армией стало по-настоящему героическое участие в боях за Казань в начале августа 1918 г. Тогда вместе с верными латышами он до последнего оставался в городе, участвовал в уличных боях и едва не погиб. В 1919 г., когда советская военная машина уже в целом наладилась, такое окружение главкома, преданное ему лично, а не большевикам стало казаться советскому руководству подозрительным. Но в августе-сентябре 1918 г. важным было то, что именно под руководством Вацетиса были достигнуты успехи в борьбе с антибольшевистскими силами в Поволжье.

Вацетис считал Бонч-Бруевича карьеристом и конъюнктурщиком, интриганом и представителем верхушки реакционного генералитета⁶. Все это было недалеко от истины. По его мнению, Бонч-Бруевич трудился «легкомысленно и лукаво», занимался «органи-

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

² Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 54–55, 63–67.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 288.

⁴ Там же. Л. 296.

⁵ Там же. Л. 297.

⁶ Там же. Л. 109.

зационно-оперативной галиматьей»¹, а стиль его работы Вацетис даже именовал «бончизмом». Подобного рода эпитеты содержатся в неопубликованных мемуарах Вацетиса. Как итог деятельности Бонч-Бруевича в 1918 г., по мнению Вацетиса, «в общем и целом получилось такое впечатление, что Высший военный совет довел Советскую Россию до полнейшей беззащитности»².

Вацетис утверждал, что Бонч-Бруевич оказался в руководстве Красной армии случайно, поскольку «ловко учел момент и своим появлением в Смольном в тяжелые дни германского наступления сумел захватить в свои руки дело формирования Красной армии»³. В другом месте Вацетис записал: «М.Д. Бонч-Бруевич по занимаемой им должности являлся представителем оставшегося в пределах РСФСР старого Генерального штаба, который он собрал в составе народной армии, благодаря чему старый Генеральный штаб, проиграв мировую войну, ухитрился захватить в свои руки инициативу в военном строительстве советской России и очутился во главе этого дела»⁴.

По свидетельству Вацетиса, «военрук Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич и его антураж, одним словом высший генералитет старого Генерального штаба решили бросить ее (РККА? – А.Г.) в схватку *in corpore*. Военспецы Высшего военного совета (при Высшем воен[ном] совете был солидный штаб, долженствовавший при войне с Германией обратиться в Ставку) решили победить сопротивление главнокомандующего Вацетиса грубым и шумным оружием: они решили взять непосредственное руководство операциями на Восточном фронте в свои руки и ставить меня в положение не то военрука, не то технорука»⁵.

Намекая на негативное влияние своего оппонента, Вацетис отметил, что действительность Троцкого не интересовала, так как «он придавал больше веры фантастическим рассуждениям кучки авантюристов из верхушки старого Генерального штаба»⁶. Отбрасывая конъюнктурный антитроцкистский пафос мемуариста конца 1920-х гг., нельзя не заметить его старую обиду в связи с

¹ Там же. Л. 172, 179.

² Там же. Л. 180.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 178.

⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 41.

⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

непричислением к Генштабу. В другом отрывке оценка повторена: «Троцкий находился под влиянием реакционной верхушки старого Генерального штаба»¹.

Бонч-Бруевич, в свою очередь, платил Вацетису той же монетой: «Я частенько сталкивался... с плотным, простоватым и даже грубоватым Вацетисом»², «Вацетиса я как-то крепко одернул, воспользовавшись тем доверием, которое мне оказывал Ленин»³, «Вацетис же... самочинничал, нанося этим немало вреда делу обороны.

Приказы Высшего Военного Совета он явно игнорировал. Но время от времени я все-таки получал от него телеграммы – весьма резкие по тону и странные по существу»⁴.

На сложный характер взаимоотношений создателей РККА действительно проливают свет скудные строки оперативных телеграмм. 2 августа 1918 г. Вацетис телеграфировал Бонч-Бруевичу с копиями Л.Д. Троцкому и С.И. Аралову: «Я просил прислать мне шесть лиц Генерального штаба и четырех военных инженеров. Вы только теперь, т.е. семь дней спустя после моего заявления о высылке мне вышеозначенных специалистов снова запрашиваете, каких специалистов мне надо. Проволочка в столь критическое и требующее чрезвычайного напряжения всей наличной энергии время недопустима...»⁵

3 августа 1918 г. на эту телеграмму последовал строгий ответ Бонч-Бруевича, в копии направленный Троцкому: «Предлагаю Вам обращаться за высылкой необходимых специалистов и прочими нуждами не ко мне лично, а к Высшему военному совету. Вам должно быть отлично известно, что в моем распоряжении по должности нет ни одного человека. Ваше замечание относительно моего семидневного промедления по существу неверно, так как заботой относительно высылки людей я не промедлил ни одного часа. Кроме того, предлагаю Вам в отношении лично ко мне быть строго дисциплинированным и не присваивать себе никем не данного Вам права делать мне замечания. Призываю Вас для пользы дела к строгому воинскому подчинению. Военрук Высшего воен-

¹ Там же. Л. 211.

² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 236.

³ Там же. С. 315.

⁴ Там же.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 44.

ного совета Бонч-Бруевич»¹. Как мы знаем, Бонч-Бруевич был из тех людей, которые не терпят возражений. Неудивительна его резкая реакция.

За Вацетиса на это ответил РВС Восточного фронта: «Право делать замечания Бонч-Бруевичу, как это сделано в телеграмме № 0831 дает Реввоенсовету революционный долг, который отходит на задний план у Бонч-Бруевича, утопающего в формалистике завес и академических изысканий, ничего общего не имеющих с живой действительностью. № 00911. РВС Данишевский, Лацис»².

Троцкий пытался примирить конфликтовавших военспецов. 5 августа он телеграфировал в Казань К.Х. Данишевскому: «Вашу телеграмму 00911 считаю в корне неправильной. Вацетис в оперативном отношении подчинен [в] общем порядке военруку Выс[шего] воен[ного] совета. Если Реввоенсовет считает неправильными те или другие указания М.Д. Бонч-Бруевича, Реввоенсов[ет] может войти с представлением ко мне или председателю Совнаркома.

Соблюдение организационного порядка необходимо при всяких условиях. Целый ряд ваших нареканий против М.Д. Бонч-Бруевича основан на недоразумениях, плохой связи и провокационной путанице со стороны телеграфных белогвардейцев. Прошу верить, что все усилия и мои и Бонч-Бруевича направлены на обеспечение всем необходимым вашего фронта, самого важного сейчас для страны. Прошу не раздувать технических трений и конфликтов, возникающих неизбежно во всяком большом деле. Наркомвоен Троцкий»³.

В начале августа Вацетис отмечал, что Бонч-Бруевич произвольно распыляет войска по Восточному фронту и просил возложить отправку пополнений на восток не на Бонч-Бруевича, а на Оперод С.И. Аралова⁴. В своем докладе «Ход военных действий на Восточном фронте», датированном 13 августа и адресованном В.И. Ленину⁵, Вацетис описал всю историю того, как Бонч-Бруевич препятствовал укреплению Восточного фронта: «Во главе [4-й] армий стояли совершенно неопытные люди, так что мне приходи-

¹ Там же. Л. 44–44об.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 318.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 8. Л. 17.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 4. Д. 31. Л. 324, 327.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 8. Л. 51–66.

лось руководить не только армиями, но и их отдельными боевыми участками. Мною были затребованы через военрук[а] Высшего военного совета шесть опытных [лиц] Генерального штаба и четыре военных инженера для укрепления Казани. Но ни те, ни другие на фронт не прибыли¹. Далее Вацетис отмечал, что «все наши мероприятия по посылке резервов на Восточный фронт приводили к нежелательным последствиям. Резервы слишком запоздали прибыть на помощь обороне Казани. По многим вопросам первой практической важности возникали совершенно нежелательные трения, как между мною и военным руководителем Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичем, так и между моими помощниками и военным элементом Высшего военного совета»².

На основании непроверенных данных Бонч-Бруевича Вацетис сделал замечание командующему 1-й армией М.Н. Тухачевскому, на что получил ответ о том, что кто-то пускает провокационные сведения. Показательна телеграмма Вацетиса от 24 августа 1918 г., направленная в этой связи Ленину, Бонч-Бруевичу и Троцкому: «Военрук Бонч-Бруевич, собирая неизвестно где сведения о работах и состоянии частей армии, ставит меня в ложное положение... Официальные сообщения, идущие из высшего органа воен[ного] ведомства без достаточной проверки, неосновательны, нервнируют армию»³. Стоит отметить, что попытки втянуть в этот конфликт большевистских вождей в качестве союзников предпринимала каждая из сторон.

20 августа 1918 г. председатель Высшей аттестационной комиссии наркомата по военным делам А.И. Егоров составил записку с предложением учредить в Советской России пост главнокомандующего и вместо коллегиального ВВС создать штаб главнокома, куда бы влились штаб ВВС и Оперод. Записка была направлена В.И. Ленину и Н.И. Подвойскому. На документе имелась резолюция Ленина: «Т. Троцкий. Подумайте об этом. Не назначить ли Вацетиса Верховным главнокомандующим? Ленин»⁴. Таким об-

¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 30. Л. 1об.

² Там же. Л. 3об. Также см.: Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 66.

³ The Trotsky papers 1917–1922. Edited and annotated by J.M. Meijer. Vol. 1. 1917–1919. L.; Hague; P., 1964. P. 110. Также см.: Архив Гугеровского института (НИА). Trotsky collection. Box 8. Folder 40.

⁴ НИА. Trotsky collection. Box 8. Folder 6.

разом, идея назначения Вацетиса, лично известного Ленину, была выдвинута самим лидером большевиков. Пост главнокомандующего всеми вооруженными силами республики был введен в Советской России 6 сентября 1918 г. и достался Вацетису.

Впрочем, Вацетис все время ходил по лезвию. Сам того не ведая, бывший полковник превратился для большевиков из заурядного, хотя и преданного, военспеца в политическую фигуру. Несмотря на безупречную репутацию Вацетиса, его большой вклад в спасение Советской власти и ожидавшееся высокое назначение, Ленин 30 августа 1918 г. телеграфировал шифром в Свияжск Троцкому: «Надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел... как Вацетиса, так и командарм под Казанью и высших командиров в случае затягивания и неуспеха действий?»¹. По всей видимости, Вацетиса спас Троцкий. Показательно отношение Ленина к Вацетису – всего через несколько дней после предложения назначить его главкомом Ленин похожим вопросительным оборотом предлагал его же расстрелять. Подобный сумбур и непоследовательность едва ли свидетельствуют о продуманности ленинской военной политики в то время.

По характеристике видного военспеца, бывшего генерала А.Е. Снесарева, встречавшегося с Вацетисом 23 сентября 1918 г., «у него (Вацетиса. – А.Г.) просто, он одет граждански, толстый, жирный. По акценту скорее напоминает чухну. Кругом него только латыши... русским духом не пахнет. Он держит себя уверенно, резонирует много, повторяет несколько раз любимые фразы, например: “Если вы умнее меня, то вам и карты в руки. Я уступлю свое место”. Он ординарен до крайности, мысли его простоваты, разумны, если угодно, но и только. Если он талантлив, то это 1-й латыш из виденных мною, но едва ли он исключение... упрям он несомненно... О русском народе он говорит с худо скрытым презрением и повторяет, что ему нужна палка... Его мысль – не отводить войска в тыл или чуть, а практиковать их боем. Словом, ловкий инородец, взобравшийся наверх среди русского кладбища, ловко потрафивший власть имущим... В области Ген[ерального] штаба в нем виден недоучка, а потому и дилетант, а еще более

¹ НИА. Trotsky collection. Box 3. Folder 13.

фантазер... На мой вопрос, сколько Красной армии, он отвечает незнанием, но прибавляет, что к весне будет втрое больше, чем теперь. Что делается на Дал[ьнем] Востоке, он не знает, и спрашивает об этом Парского... “Теперь прежней разведки нет”... И этот неготовый, полуниспеченный специалист, вдобавок фантазер, стоит во главе всего дела. Какие же шансы?... А слова его и надежды – или полная неспособность реальной оценки обстановки, или дурачение нас... на кого и зачем?»¹. Снесарев оказался излишне критичен, поскольку Вацетис на посту главкома зарекомендовал себя с хорошей стороны.

Как отмечал видный большевистский военный деятель Н.И. Подвойский, «во главе военного командования всеми вооруженными силами республики оказался революционер в военном деле, большой самородок, талант в стратегии И.И. Вацетис»². По мнению генштабиста С.Д. Харламова, Вацетис «достаточно авторитетен среди рядового командн[ого] состава. Думаю, в том числе и бывш[их] офицеров. Человек достаточно общительный, умеет разговаривать с массой. Знает многих и его, конечно, многие знают...»³ Несомненно, у Вацетиса имелись значительные амбиции, а его письменный стол в награду за успешное командование Восточным фронтом украсил чернильный прибор «Наполеон» со статуэткой французского императора.

Показателен портрет Вацетиса, составленный антибольшевистски настроенным историком Ю.В. Готье 18 июня 1920 г.: «Сегодня я попал в Военно-историческую комиссию, где читался доклад о “рижской операции” в августе 17-го года... Из именитых деятелей был пресловутый Вацетис, скобленное гаерское рыло, видимо, неглупый плут, но не более»⁴.

Характеристика Вацетиса как преподавателя Военной академии РККА 1922 г. довольно критична: «Совершенно неудовлетворительное чтение как по содержанию, так и по форме... Плохое владение русским языком... узкий кругозор»⁵. В характеристике 1924 г.

¹ Снесарев А.Е. «Вся Россия – больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 37–38.

² Военная академия за пять лет / под ред. М.Л. Белоцкого, И.Г. Клочко, Е.А. Шиловского. М., 1923. С. 26.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 30об.

⁴ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 411.

⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 59об.

содержится более высокая оценка: «Активный участник империалистической войны в самой гуще армии, руководитель Красной армии первых двух лет ее борьбы, несомненно, создали в т. Вацетисе широкий красный стратегический кругозор, заключающий в себе ряд оригинальных мыслей.

Будучи при этом образованным военным человеком, не отстающим от военной жизни, тов. Вацетис является весьма ценным руководителем в Военной академии, в особенности, принимая во внимание его органическую ненависть к рутине мысли и методов руководства.

Склонность к обобщающим выводам, зачастую очень оригинальным, нередко, правда, не выдерживающим критики, но всегда очень смелым (с точки зрения рутины), влиятельное (вероятно, внимательное. – *А.Г.*) отношение к сущности вопроса и товарищеский подход к слушателям вместе с демократическим (в настоящем смысле слова) обращением делают его весьма полезным руководителем в академии. Как лектор – плох.

Кроме руководства по стратегии, т. Вацетис читает с кафедры военную историю в части мировой войны (Вост[очно]-Прусская операция) и гражданской (Вост[очный] фронт).

Выбившись в офицеры Генштаба из крестьян, тов. Вацетис всю свою военную службу проходил под знаком фронды по отношению к старому строю, затиравшему его по причине его происхождения.

Октябрьский переворот тов. Вацетис воспринял с радостью.

Вот почему т. Вацетис, безусловно, должен считаться своим человеком, связанным с республикой»¹.

Тем не менее, у слушателей сохранились светлые воспоминания о Вацетисе-преподавателе. Выдающийся советский военный историк, генерал-майор Е.А. Разин вспоминал: «Из преподавателей тактики той группы, в которой я учился, наиболее глубокие знания давал бывший главком И.И. Вацетис. На занятиях в классе и в поле он всегда стремился то или иное положение теории военного искусства подкрепить примером из военно-исторической практики, особенно из войн XX века и богатой личной боевой практики. Вацетис делился с нами и замыслами своей научной работы, а иногда приглашал на квартиру, читал отдельные разделы рукописи и спрашивал наше мнение»².

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 21.

² *Разин Е.А.* Тридцать семь лет с военной академией // 40 лет военной академии имени М.В. Фрунзе. М., 1958. С. 101.

Летом 1918 г., вероятно, с целью укрепить положение Вацетиса и поощрить своего нового главного военспеца в болезненном и значимом для него вопросе, большевики, вопреки всем правилам, перевели его в Генеральный штаб. Перевод состоялся 30 августа 1918 г. (в тот же день, когда Ленин предложил его расстрелять) по решению заместителя наркома по военным делам Э.М. Склянского¹.

Во второй половине августа 1918 г. на волне конфликта с Вацетисом, пользовавшимся очевидной благосклонностью партийных руководителей, Бонч-Бруевич стал просить большевистское руководство об отставке по состоянию здоровья. В своих воспоминаниях он привел, по всей видимости, искаженную картину событий. Якобы побудительной причиной ухода со службы стало осознание того факта, что ВВС свое отжил. Далее, однако, следовала проговорка, что Бонч-Бруевич не видел себя на должности главкома ни по возрасту, ни по идейной подготовке². Как мы знаем, в главкомы тогда прочили совсем другого кандидата, причем основного оппонента Бонч-Бруевича.

В этом смысле совпадение дат не кажется удивительным. Бонч-Бруевич стал просить об отставке 20 августа 1918 г. – в день, когда была озвучена идея учреждения поста главкома, назначения на него Вацетиса и упразднения ВВС. Тогда он направил рапорт Ленину: «Тяжелый труд, который я нес без малейшего отдыха с первого дня мобилизации 1914 года в течение всей войны и до настоящего времени, связанный с нравственными потрясениями военного времени окончательно надломил мой организм. Ведя борьбу с болезненным состоянием в течение последнего времени, я все-таки, по признанию врачей, не в силах побороть проявления больного моего организма и потому в данное время оказываюсь совершенно неспособным к работе по занимаемой мною должности.

Ввиду изложенного прошу для пользы дела уволить меня от службы.

Сознавая необходимость сохранить преемственность в работе и то ее напряжение, которого требуют современные тяжелые обстоятельства, позволяю себе рекомендовать моим заместителем в должности военного руководителя Высшего военного совета: или Управляющего делами народного комиссариата по военным делам

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 20. Л. 106, 110.

² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 311.

Николая Михайловича Потапова или главного начальника снабжений Евгения Ивановича Мартынова. Впредь до назначения одного из названных кандидатов – прошу разрешения сдать должность начальнику штаба Высшего военного совета Николаю Иосифовичу Раттэлю, который и вступит во временное исполнение должности военного руководителя Высшего военного совета»¹. К рапорту прилагалось заключение врачебного консилиума.

Троцкий, которому Ленин сообщил о просьбе Бонч-Бруевича, отставку первоначально давать не хотел². В телеграмме Ленину от 21 августа 1918 г. он прямо писал: «Что касается отставки Бонч-Бруевича, то предлагаю ее не принимать, а дать ему отпуск для поправления здоровья на две недели или на месяц. Он нам нужен, заменить его некем, лица, на которых он указывает, не годятся. Возможно, что его в мое отсутствие стали ущемлять...»³ Самому Бонч-Бруевичу Троцкий телеграфировал о неожиданности его прошения⁴.

После повторного ходатайства Троцкий был вынужден уступить⁵. Скорее всего, серьезных проблем со здоровьем Бонч-Бруевич тогда не испытывал. Имело место переутомление и напряженность вследствие конфронтации с Вацетисом. Во всяком случае, он прожил еще 38 лет, а примерно через месяц после ухода со службы не выдержал бездействия и устроился на работу в Межевой институт. Следовательно, «болезнь» носила дипломатический характер.

Однако уход Бонч-Бруевича имел организационные последствия. 26 августа он оставил пост военрука ВВС, а через полторы недели ВВС был упразднен. 24 августа Троцкий телеграфировал Ленину с копией Склянскому, что после размышления счел целесообразным уволить Бонч-Бруевича на общих основаниях и возложить текущую работу на Н.И. Раттэля, не назначая заместителя. «Это облегчит необходимую реорганизацию в ближайшее время»⁶. Таким образом, добровольный уход Бонч-Бруевича способствовал скорейшей ликвидации ВВС.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 141.

² НИА. Trotsky collection. Box 4. Folder 20.

³ НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 10.

⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 312.

⁵ НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 13; 15.

⁶ *Ibidem.* Folder 15.

С обязанностями главкома Вацетис успешно справлялся. Работая с полным напряжением сил, он, в целом, верно оценивал степень опасности, которую представлял тот или иной фронт для окруженной Советской России. Именно при нем белые были отброшены из Поволжья осенью 1918 г., а затем на Восточном фронте весной 1919 г. была достигнута первая серьезная победа Красной армии – остановлено наступление колчаковских войск. С подачи Вацетиса партийным руководством в 1919 г. была проведена в жизнь идея военного единства советских республик¹.

Вацетису были не чужды идеи корпоративной солидарности бывших офицеров – выпускников Николаевской академии. При каждом удобном случае он старался поддержать военспецов, действовать их скорейшему освобождению в случае ареста, помогать с назначениями. Более того, он позволял себе направлять большевистским вождям весьма откровенные и довольно резкие доклады, с завидной горячностью заступался за арестованных спецов. Такая прямолинейность и смелость, очевидно, проистекали из непонимания особенностей карательной политики большевиков, нередко прибегавших к упреждающему террору против тех, кто показался потенциально нелояльным.

По всей видимости, Вацетис действительно проникся идеями большевиков. Показательна одна из его телеграмм во Всероссийский главный штаб от 29 августа 1918 г. таким же военспецам: «Работа генштабистов крайне важна на боевом фронте, где решается, быть может, великая задача нашего будущего...»² Вацетис не был контрреволюционером, а выдвинутые против него летом 1919 г. обвинения в заговоре и намерении «тряхнуть Москвой» весомых подтверждений не находят. Недовольство военспецов своим положением и резкие слова в адрес большевиков могли звучать в серпуховской ставке красных, но едва ли в этом вопросе кто-то шел дальше обывательских разговоров. Впрочем, Троцкий заметил, что Вацетис был или мог быть подвержен влиянию контрреволюционных элементов. По мнению Троцкого, изложенному в телеграмме на имя Ленина от 1 декабря 1918 г., «при главкоме необходим твердый и тактичный комиссар, но где его взять?»³. При этом,

¹ The Trotsky papers 1917–1922. Edited and annotated by J.M. Meijer. Vol. 1. 1917–1919. L.; Hague; P., 1964. P. 354, 356.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 24. Л. 14об.–15.

³ The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 192.

думается, главком понимал, что, заняв высший пост в РККА, он навсегда отрезал себе пути к отступлению. В антибольшевистском лагере военспец такого ранга ждала неминуемая казнь. Против большевиков Вацетис пойти уже не мог – это было равносильно добровольному обречению себя на смерть.

Конфликт Вацетиса с Бонч-Бруевичем оказался заморожен до лета 1919 г., когда служебная необходимость вновь свела вместе двух непримиримых врагов. Возвращение Бонч-Бруевича, причем сразу на высокий пост начальника Полевого штаба РВСР, имело очевидные причины. Дело в том, что он, отойдя от дел, оказался в распоряжении СНК и не утратил связи с В.И. Лениным, которого регулярно снабжал своими аналитическими записками по различным военным вопросам. Благодаря этому Бонч-Бруевич постоянно напоминал о себе лидеру большевиков, пользовался его доверием и расположением и, можно сказать, оставался в кадровом резерве Ленина.

Когда Ленин в мае-июне 1919 г. задумал осуществить смену главного командования и начал готовить почву для дела Полевого штаба РВСР, он вспомнил о Бонч-Бруевиче. 15 июня 1919 г. вопрос о Ставке обсуждался на заседании ЦК РКП(б). На заседании было принято решение оставить Вацетиса в должности, а начальником Полевого штаба назначить Бонч-Бруевича, ввести в состав РВСР С.И. Гусева, переведившегося с Восточного фронта, с поручением ему и Бонч-Бруевичу сократить и изменить состав Ставки¹. 23 июня 1919 г. Бонч-Бруевич занял пост начальника Полевого штаба РВСР вместо бывшего генерала Ф.В. Костяева². На этом посту он пробыл в период смены военного руководства до 22 июля 1919 г., пока не был заменен ближайшим сотрудником нового главкома С.С. Каменева П.П. Лебедевым. В это время вплоть до ареста Вацетиса Бонч-Бруевичу пришлось с ним работать, причем еще более тесно, чем в 1918 г.

О своих взаимоотношениях с Вацетисом в 1919 г. вспоминал сам Бонч-Бруевич: «Идти к Вацетису в подчинение я решительно не хотел. Я не ладил с ним ни будучи начальником штаба Ставки, ни сделавшись военным руководителем Высшего военного совета. К тому же я был значительно старше его по службе. В то

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 291.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 264.

время, когда я в чине полковника преподавал тактику в академии Генерального штаба, поручик Вацетис был только слушателем и притом мало успевавшим. Позже, уже во время войны, мы соприкоснулись на Северном фронте, и разница в нашем положении оказалась еще более ощутимой: я, как начальник штаба фронта, пользовался правами командующего армией, Вацетис же командовал батальоном и в самом конце войны – одним из пехотных полков.

Мой служебный опыт настойчиво говорил мне, что на высших постах в армии, во избежание неизбежных в таких случаях трений, никогда не следует становиться под начало младшего, менее опытного по службе начальника»¹.

Бонч-Бруевич в свойственной ему манере лукавил. В бытность Вацетиса слушателем академии, он имел чин штабс-капитана, а Бонч-Бруевич был подполковником и полковником. Разница между ними была не столь велика, как ее рисует Бонч-Бруевич. Последний был старше Вацетиса лишь на три года, даже на службу два офицера пошли одновременно (Бонч-Бруевич до этого учился в Межевом институте), но по службе Бонч-Бруевич действительно выдвинулся быстрее. Однако не из-за своих интеллектуальных или административных способностей, а, видимо, потому, что был в большей степени нацелен на карьеру. Трамплином для Бонч-Бруевича стала его служба в гвардии и окончание академии Генерального штаба. Возможно, повлияли дружба с генералом М.И. Драгомировым и обаяние имени последнего. Вацетис же довольно поздно поступил в академию – не через три года строевой службы, как было минимально установлено, и чем воспользовался Бонч-Бруевич, а лишь через пятнадцать лет. При этом боевого опыта до Первой мировой ни тот, ни другой не имели.

Масла в огонь конфликта добавляла полученная Бонч-Бруевичем санкция Ленина работать независимо от Вацетиса. О наличии такого разрешения ему сообщил родной брат – В.Д. Бонч-Бруевич². Описание встречи с Вацетисом в мемуарах Бонч-Бруевича просто пышет ядом и язвительностью: «На следующий день с утра я отправился к Вацетису. Главнокомандующий жил в комфортабельном особняке местного фабриканта. Аляповатая роскошь, которой окружил себя в Серпухове Вацетис, не понравилась мне. Даже царскому генералу не приличествовало на

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 334–335.

² Там же. С. 335.

войне изображать из себя этакое изнеженное барина, а уж пролетарскому полководцу подавно... Не понравилось мне и окружение главкома: заменившие прежних адъютантов многочисленные “порученцы”, такие же верткие и нагловатые, как и их предшественники; откормленные вестовые с тупыми лицами былых денщиков и чуть ли не с нитяными перчатками на огромных руках; купеческая роскошь гостиной, превращенной в приемную главкома; подозрительное обилие пустых бутылок в прихожей, – словом, весь тот непривлекательный антураж, который был свойственен дореволюционному военному начальству из интендантов.

Вацетис еще спал, и это тоже не понравилось мне. Положение республики было напряжено до крайности... и уж кто-кто, а главнокомандующий мог не нежиться так поздно на роскошной кровати фабрикантши.

Прошло с полчаса, пока Вацетис встал и привел себя в порядок. Приняв меня все в той же гостиной, он с излишней готовностью предложил мне вступить в должность начальника своего штаба.

– Я назначен не к вам, а в Полевой штаб республики, – сказал я. – Отсюда ясно, что ваш начальник штаба должен по-прежнему нести службу.

– В таком случае я ничего не понимаю. Да, не понимаю, – повторил Вацетис и недоуменно поглядел на меня своими водянистыми глазами. – Это какая-то путаница...

Я терпеливо объяснил главкому, что никакой путаницы нет...

– Скажите, какие директивы в отношении ведения военных операций имеете вы от правительства? – перешел я к наиболее интересующему меня вопросу.

– Представьте, Михаил Дмитриевич, никаких директив, – растерянно сказал Вацетис.

Мое появление в Серпухове, да еще в не понятной для него роли застигло главкома врасплох, и он, видимо, не очень владел еще своими мыслями.

– Конечно, я не раз просил и директив, и указаний, но... Да, да, представьте себе, решительно ничего не получал в ответ, – начал жаловаться Вацетис.

Жалобы эти показались мне неискренними, и я коварно спросил:

– Стало быть, вы ведете операции по собственному усмотрению и на свой страх и риск?

Вацетис начал путанно объяснять, что, конечно, какие-то директивы он все-таки получает, но все это не то, чего бы хотелось...

Расставшись, наконец, с главкомом, я понял, что между ним и правительством нет должного контакта, а без него руководить обороной нельзя; что, вероятно, и сам Вацетис понимает, насколько не справился с порученным ему делом, и продолжает командовать только по инерции, явно тяготясь этим делом»¹. При этом сам Вацетис вспоминал, что, будучи главкомом, начинал свой день в шесть утра, а в семь уже знакомился с оперативными сводками, не имел ни свободного времени, ни личной жизни². Впрочем, упоминания о том, что главком питал слабость к алкоголю, исходят из разных источников³ и, скорее всего, достоверны.

Бывший Генштаба капитан А.В. Панов, служивший в Полевом штабе РВСР, спустя много лет после Гражданской войны вспоминал о ненормальных взаимоотношениях двух основоположников РККА: «Бонч-Бруевичу не удалось сработаться с Вацетисом. Между ними часто возникали существенные разногласия. Причину разногласий объяснил впоследствии сам Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях... Однажды я был свидетелем такой сцены: Бонч-Бруевич подписал заготовленную в оперативном управлении директиву и передал ее Вацетису для подписи. Главком, прочтя директиву, вдруг встал со своего места и заявил: “Я этого не подписываю. Вы написали вопреки моему мнению. Потрудитесь переделать”. Но Бонч-Бруевич спокойно заявил, что как начальник штаба он в равной мере с главкомом ответствен за деятельность главнокомандования, а с мнением Вацетиса по данному вопросу он не согласен, о чем уже докладывал раньше. Поэтому текст данной

¹ Там же. С. 335–337.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 126.

³ Своему товарищу по службе бывшему генералу А.Л. Носовичу в дружеской беседе в 1918 г. Вацетис говорил: «Ну, брат, теперь выпьем... А что же теперь нам, военным, осталось, как не женщины, выпить, хорошо поесть и воевать...» (Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). *Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC)*. F. Nossovitch. F delta rés 843 (2) (6) (2)). Box 1. Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 3. Гл. 3. С. 112.); «Вацетис неутомимо инспектировал. Это позволяло ему проводить его время в большой относительно праздности, выпивке и других развлечениях, которые он достаточно умел ценить» (Там же. С. 113). Также см.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: док. / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 130; *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013. С. 254–259.

директивы переделке не подлежит. Так и не стал Бонч-Бруевич переделывать директиву»¹. Данное описание, несмотря на советские цензурные ограничения, касалось примерно двухнедельного сотрудничества этих военспецов. Трудно предположить, какие скандалы происходили между ними в действительности, если отдельные инциденты настолько запомнились мемуаристу, что были изложены им в деталях через сорок с лишним лет.

По свидетельству Вацетиса, Троцкий был в курсе конфликтных отношений главкома с Бонч-Бруевичем². Очевидно это и из опубликованных выше документов. Если конфликт не был тайной, то какую цель преследовало решение ЦК назначить Бонч-Бруевича к Вацетису в Полевой штаб? Видимо, вовсе не организацию планомерной работы советской Ставки, а, скорее, дискредитацию и травлю главкома, подготовку его предстоящего смещения. К сожалению, в своих воспоминаниях Вацетис эти акценты не отразил, сосредоточившись на разоблачении троцкистов, к которым отнес и Бонч-Бруевича, что не соответствовало действительности. Суть происшедшего в интерпретации Вацетиса сводилась к интригам против него и его штаба со стороны руководства Восточного фронта³. Основания для этого, безусловно, были. Но одними интригами РВС Восточного фронта проблема не исчерпывалась.

Независимое положение Вацетиса было терпимо до определенного предела. В разгар борьбы с Колчаком весной 1919 г. вопрос о смене главкома не был уместен, поскольку мог повредить успехам на фронте. Однако, когда стало ясно, что наступление Колчака захлебнулось, кадровая перестановка стала возможной.

Недоброжелателей у Вацетиса среди большевистского руководства хватало. Так, его отношения с И.В. Сталиным осложнял конфликт в октябре 1918 г. в связи с событиями на Южном фронте и резкие телеграммы Вацетиса с критикой действий Сталина. По свидетельству Троцкого, Сталин с ненавистью относился к Вацетису⁴. Неудивительно, что он оказался одним из горячих сторон-

¹ Панов А. В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 68–69.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 64–65.

⁴ Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 107.

ников чистки в Ставке¹. «Я никогда не проверял этого эпизода, – отмечал Троцкий. – Вполне допускаю, однако, что в аресте Вацетиса играл роль Сталин, который таким образом мстил за некоторые старые обиды. Вместе со Сталиным реванш брал Восточный фронт и с ним вместе новый главнокомандующий²... за эпизодом ареста явно чувствовалась интрига...»³

Ненавидел Вацетиса и влиятельный латышский большевистский деятель К.Х. Данишевский – кандидат в члены ЦК РКП(б) (избран на VIII съезде партии) и заместитель председателя СНК Советской Социалистической Латвии, имевший прямой выход на Ленина. В июле 1919 г. Данишевский выступил перед ЦК с докладом, содержащим резкую критику главного командования. Он же в составе особой комиссии ЦК был направлен Лениным 5–6 июля в Серпухов для разбора дела Полевого штаба и руководства практической реализацией смены командования. В записке в ЦК, составленной 7 июля, именно Данишевский настаивал на срочной смене Вацетиса⁴. Неприязнь Данишевского к Вацетису была настолько сильна, что, даже спустя полтора десятка лет, он не упомянул о Вацетисе в своих мемуарах, рассказывая об участии в подавлении левоэсеровского выступления в Москве 6 июля 1918 г.⁵ Между тем, Вацетис сыграл в тех событиях едва ли не решающую роль. Сам Вацетис, судя по его неопубликованным мемуарам, в свою очередь, с трудом терпел Данишевского и готов был взвалить на него вину, кажется, за все – от разгульной жизни и сдачи Риги в мае 1919 г. до клеветы на главкома и троцкизма⁶. Наконец, Вацетис слишком сработался с Троцким, что вызывало обеспокоенность Ленина. Назрел вопрос смены главкома.

Техническое исполнение смены командования было возложено на Особый отдел ВЧК. Бонч-Бруевич как доверенное лицо Ленина работал над предстоящей реорганизацией Полевого штаба в тесном контакте с председателем ВЧК Ф.Э. Дзержинским, причем

¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. Ноябрь 1917–1920. М., 1947. С. 263–264.

² Речь идет о С.С. Каменеве.

³ *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 108.

⁴ *Данишевский К., Каменев С.* Воспоминания о Ленине. М., 1934. С. 31.

⁵ Там же. С. 12–18.

⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.

произвел на последнего «хорошее впечатление человека делового, без камня за пазухой»¹.

3 июля 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) было принято решение о смене главкома и назначении на этот пост С.С. Каменева – командующего Восточным фронтом. Утвержден был и перенос Полевого штаба из Серпухова в Москву. Вацетису планировали дать «почетное военное назначение с приличным окладом»². Вскоре ключевые посты в советской Ставке заняло прежнее руководство Восточного фронта.

Однако ни почетного назначения, ни приличного оклада Вацетис не получил. 8 июля в Серпухове прошли аресты Вацетиса и его окружения, преподнесенные как разоблачение некоего военного заговора. Вероятно, речь шла как об осознанной компрометации бывшего главкома, а через него и Троцкого, так и о перестраховке. По всей видимости, существовали опасения, что Вацетис не захочет подчиниться решению о своем смещении, тем более в Серпухове был дислоцирован верный Вацетису 5-й Латышский стрелковый полк.

По всей видимости, к 1919 г. самого себя Вацетис уже относил к советскому военно-политическому Олимпу, считая «неприкасаемым». Поэтому он достаточно свободно обращался к партийным руководителям. В силу этого же мировосприятия арест явился для него полной неожиданностью и воспринимался им с нескрываемой обидой и непониманием на протяжении многих лет. Даже в характеристике Вацетиса как преподавателя Военной академии РККА за 1924 г. отмечено, что «снятие его с должности главкома произвело на тов. Вацетиса огромное впечатление в свое время, от которого он не может освободиться и по сей день»³. К моменту составления этой характеристики со смещения главкома прошло уже около пяти лет. Тем не менее, эти события все еще болезненно переживались Вацетисом.

После ареста Вацетиса временное исполнение обязанностей сразу по двум должностям – главкома и начальника Полевого штаба – взял на себя М.Д. Бонч-Бруевич. Вацетис позднее говорил,

¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 29. Л. 1; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: док. / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 128.

² The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 578.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 21.

что и под арестом продолжал осуществлять управление войсками¹. Насколько это верно – большой вопрос. Но с арестованным, учитывая его огромный опыт, вполне могли консультироваться по наиболее трудным вопросам.

22 сентября 1919 г. арестованный Вацетис отправил письмо Ленину, в котором убедительно доказывал абсурдность выдвинутых против него обвинений². Возможно, это письмо сыграло свою роль в последовавшем примерно через две недели решении освободить опального главкома из тюрьмы. Второе такое письмо он отправил Ленину 27 октября 1921 г. (там уже затрагивался вопрос взаимоотношений с С.С. Каменевым и РВС Восточного фронта)³. Президиум ВЦИК 7 октября 1919 г. принял постановление о прекращении дела⁴. При этом ВЧК предлагалось установить за Вацетисом тщательный надзор. Никаких доказательств существования заговора чекистам обнаружить не удалось. В дальнейшем Вацетис уже значимой роли в руководстве Красной армии не играл.

Карьера Бонч-Бруевича в руководстве РККА также завершилась летом 1919 г., вскоре после выполненной им миссии по чистке Полевого штаба. 22 июля 1919 г. он сдал должность начальника Полевого штаба П.П. Лебедеву⁵. С 31 августа 1919 г. Бонч-Бруевич был переведен в распоряжение начальника Всероссийского главного штаба, но за прежние заслуги ему сохранили оклад по должности начальника Полевого штаба РВСР⁶. Впрочем, за свою деятельность Бонч-Бруевич не был удостоен никаких наград. Лишь в 1926 г. он получил благодарность Реввоенсовета СССР в связи с 35-летием военной, учебной и научной деятельности⁷.

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 340.

² ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 1-3об. Публикацию документа см.: Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / публ. А.В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43; Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013. С. 630–634.

³ Публикацию этого письма см.: Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 230–235.

⁴ В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): сб. док. М., 1975. С. 237.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 319.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 76. Л. 375.

⁷ РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

Вацетис сохранил неприязнь к Бонч-Бруевичу и позднее. В 1923 г. вышла книга Вацетиса «О военной доктрине будущего». Досталось в ней и оппоненту, курс лекций которого в Николаевской академии, по оценке Вацетиса, «был бесцветным пересказом учебника тактики М.И. Драгомирова»¹. Прежние конфликты вылились и на страницы мемуаров отцов-основателей Красной армии, которые всячески поносили друг друга и преувеличивали значение тех учреждений, у истоков коих стояли. Бонч-Бруевич в своих мемуарах рисовал огромное значение ВВС, главком Вацетис, наоборот, принижал и ругал ВВС, но выпячивал роль главного командования.

Третьим военспецом, ставшим во главе РККА, был Сергей Сергеевич Каменев (03.04.04.1881 – 25.08.1936). По свидетельству учившегося с Каменевым в академии и дружившего с ним будущего белого генерала П.С. Махрова, «несмотря на его усидчивость, академия давалась ему трудно. На последнем, дополнительном курсе, его положение было критическим по общей сумме баллов»². Однако Каменеву досталась та же тема, которую за два года до того защитил брат Махрова Николай. Через П.С. Махрова был получен доклад его брата, что позволило Каменеву получить 12 баллов за тему, за что был благодарен Махровым на протяжении многих лет. По мнению П.С. Махрова, Каменев «был хорошим офицером Генерального штаба и отлично командовал полком в конце войны... во время революции он умел ладить с комитетами, а потом, попав в Красную армию, он служил большевистскому правительству так же честно, как и царю и Временному правительству»³.

По аттестации в связи со службой в штабе 1-й армии Каменев оценивался начальством как «по всем отношениям выдающийся офицер Генерального штаба и отличный боевой строевой начальник»⁴. Офицер считался достойным выдвижения на генеральские должности.

На посту командира 30-го пехотного Полтавского полка Каменев проявил себя как твердый начальник, обладающий муже-

¹ *Вацетис И.* О военной доктрине будущего. М., 1923. С. 103.

² *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 56.

³ Там же.

⁴ *Каменев С.С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. Избранные статьи. М., 1963. С. 4.

ством, распорядительностью и хладнокровием, любящий военное дело, знающий быт офицера и солдата и заботящийся о них. Забота о солдатах, видимо, сыграла роль в том, что Каменев в 1917 г. был избран командиром полка. Обладая опытом работы с комитетами, Каменев довольно рано примкнул к красным в качестве военного специалиста, добровольно поступив на службу в Красную армию. По всей видимости, он считал необходимым продолжение борьбы с внешним врагом, но первоначально не стремился к вовлечению в Гражданскую войну. С начала апреля 1918 г. Каменев служил в войсках завесы, прикрывавших территорию Советской России от возможного возобновления войны с Германией, был помощником военного руководителя и военным руководителем Невельского отряда завесы. С самого начала новой службы Каменев столкнулся с издержками первого периода существования Красной армии – партизанщиной, неподчинением приказам, присутствием в подчиненных отрядах уголовных элементов, дезертирством.

В августе 1918 г. Каменев был назначен помощником военного руководителя Западной завесы В.Н. Егорьева и военруком Смоленского района с подчинением ему районов – Невельского, Витебского и Рославльского. Задачей Каменева в это время являлись прием уездов Витебской губернии от оставлявших их немцев, а также формирование дивизий РККА. В сжатые сроки под его руководством были сформированы и отправлены на Восточный фронт Витебская дивизия и Рославльский отряд.

Заметили Каменева и стали выдвигать на крупные посты осенью 1918 г. Именно тогда, в сентябре 1918 г., ему был доверен ключевой в тот период пост командующего Восточным фронтом. Фронт тогда еще продолжал создаваться. Приходилось создавать и штаб фронта, т.к. прежний штаб забрал с собой Вацетис, ставший главкомом. Возможно, это обстоятельство послужило основанием для конфликта двух последовательно сменивших друг друга на двух постах военспецов.

По нескольким различным свидетельствам Каменев стремился уклониться от вовлечения в Гражданскую войну, предстоявшее назначение командующим на Восточный фронт его угнетало. Известный перебежчик из РККА полковник А.Л. Носович вспоминал: «В приемной нас было только двое. Каменев не находил себе места. Его нервное напряжение казалось было у предела истерии. Каменев сыпал такого рода фразами: “Нет, скажите, что мне делать... Они мне предлагают в командование Восточный фронт...”

Поймите, я же не могу идти против белых патриотов... Я же не могу быть заодно с большевиками... Я не могу командовать войсками против белых... Нет, я сойду с ума... Я уже сумасшедший...» Я начал его успокаивать как мог¹. Это свидетельство подтверждается и показаниями бывшего начальника Всероссийского главного штаба А.А. Свечина по делу «Весна». Свечин, в частности, отметил, что «в 1918 году в сентябре или октябре месяце ко мне, как к начальнику Всероссийского главного штаба поступил приказ от Троцкого выбрать наиболее пригодного офицера Генерального штаба для назначения на должность командующего Восточным фронтом. Я остановился на выборе С.С. Каменева, который был известен мне как дельный работник оперативного отделения штаба Виленского военного округа и штаба I армии в мировую войну, а в службе завесы Западного фронта выделился как дельный руководитель Невельского участка... В то время все офицеры старой армии, поступившие на службу в Красную армию, считали, что они приняли обязательство сражаться против внешнего врага на Западном фронте и более чем неохотно смотрели на какое-либо использование их в связи с Гражданской войной... Под этим настроением С.С. Каменев расценил назначение его на Восточный фронт как незаслуженную обиду... Эту оценку он выразил в жалобах, посланных по телеграфу Троцкому и Склянскому на меня. С моими объяснениями Склянскому, что в назначении Каменева я пользовался только соображениями целесообразности, последний согласился и подтвердил приказ Каменеву ехать на Восточный фронт.

Со мной С.С. Каменев помирился лишь года через 3–4². В другом месте Свечин отметил, что Каменев, «целя свое место на Западном фронте³ в Смоленске, счел свое назначение на фронт гражданской войны актом личной мести с моей стороны и жаловался Троцкому и [Э.М.] Склянскому. На этой почве сложились между мной и Каменевым враждебные отношения, продолжавшиеся 4–5 лет⁴.

¹ BDIC. F. Nossovitch. F delta rés 843 (2) (6) (2). Vox 1. Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 3. Гл. 3. С. 111.

² Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. (Окончание) // Вестник архивиста. 2014. № 3 (127). С. 267–268.

³ Западного фронта тогда еще не было. Каменев занимал пост помощника военного руководителя Западной завесы и военрука Смоленского района.

⁴ Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2 (126). С. 268.

По всей видимости, история назначения Каменева не являлась секретом в среде военспецов. Ее отголоски прослеживаются даже в советской авторизованной биографии Каменева: «Не без опасений и внутренних переживаний принял К[аменев] Восточный фронт: условия работы, сумбурность всего фронта были таковы, что поневоле приходилось думать – каким порядком можно управлять войсками фронта»¹.

Вацетис сполна поиронизировал на этот счет: «Теперь рассказанные истории покажутся немного забавными. Отказываться от поста комфронта! В старой армии в погоне за такой должностью генштабисты ломали друг другу шею. Но дело в том, что тогда, осенью 1918 года Восточный фронт (чехословацкий) считался “братоубийственным” и среди лиц старого Генерального штаба было трудно найти человека, отправлявшегося туда беспрекословно»². Впоследствии Каменев был вынужден смириться и служил добросовестно. По всей видимости, в нем произошел внутренний надлом, поскольку дальнейшая его служба, по отзывам знавших его людей, представляла пример поведения безгласного человека, пресмыкавшегося перед комиссарами³.

В мемуарах Вацетиса Каменеву досталось немногим меньше, чем Бонч-Бруевичу. Вот лишь некоторые примеры: «С.С. Каменев лгал самым беспардонным образом»⁴, Каменев был «какой-то чудак Генерального штаба»⁵, «Дисциплинка ничего себе!»⁶ Углубление конфликта, вероятно, связано с участием Каменева в расследовании сдачи Перми белым. Тогда, в январе 1919 г. он открыто перед партийным руководством обвинил в неудачах Вацетиса и начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева⁷. Вполне возможно, это делалось при поддержке расследовавших неудачу И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского. Вацетис же возлагал вину на Каменева, который, по его мнению, сдал белым Пермь без боя⁸.

¹ Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 433.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 800.

³ Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 24–25.

⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 800.

⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 119.

⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 17; Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 69.

В кампанию 1919 г. Каменев сыграл важную роль в победе над колчаковскими армиями на Восточном фронте. Однако в самый разгар операций Каменев в результате конфликта с главкомом Вацетисом был неожиданно снят с должности и вынужденно бездействовал несколько недель, хотя и пытался влиять на события на фронте. Вместо него фронт возглавил А.А. Самойло, присланный с севера России. Назначение было полной неожиданностью и для Самойло, вызвало протесты РВС и комиссаров 6-й отдельной армии, которой он командовал, поскольку партийцы опасались возможных проблем на фронте в решающий период¹.

По этому поводу Самойло писал: «Мне не приходило, однако, в голову, что непредвиденное событие может разрушить мои надежды... Как ни неожиданно для меня было это предложение, я тотчас представил себе всю его нелепость. Как можно было в критический момент самых горячих боевых действий снимать с должности командующего – пусть даже виновного в боевой неустойке, но держащего в руках все нити такого сложного аппарата, как управление фронтом! Эта нелепость неизмеримо выростала в моих глазах оттого, что на замену Каменева выдвигался человек со стороны, находящийся совершенно не в курсе событий на фронте, не знающий войск и их начальников, не знающий ближайших сотрудников. Наконец, предложение было и противозаконно, так как замещать командующего можно лишь его начальником штаба как единственным человеком, стоящим в курсе дел и могущим без перерыва руководить боевыми действиями. Нелепость предстоящей перемены выростала еще больше при мысли, что моим собственным заместителем в 6-й армии являлся человек, очевидно, столь же незнакомый с условиями Северного фронта, как я с условиями Восточного»².

Начальник Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяев 2 мая предварительно все же запросил мнение Самойло по поводу предстоявшего назначения. Самойло ответил: «Прежде всего, [я] солдат. Мое первое правило ни на что не напрашиваться и ни от чего не отказываться. Положение. Восточному фронту очень трудно и принять его при таких условиях, конечно, улыбаться не может. Обидно и бросать Северный фронт, так сказать накануне решающих событий. Вот все, что могу сказать. Прибавить могу лишь свою при-

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 128.

² Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С. 247–248.

знательность за доверие. Все»¹. Такой ответ противоречит приведенному в воспоминаниях Самойло упоминанию о его отказе от должности (впрочем, нельзя исключать, что отказ мог иметь место до разговора 2 мая). После этого ему было предписано экстренным поездом не менее чем через 24 часа по получении телеграммы о назначении выехать в Симбирск, сдав командование начальнику штаба. По пути была намечена встреча в Серпухове с Вацетисом, для чего по прибытии в Москву необходимо было созвониться с последним по кремлевскому телефону.

Причины этой истории до сих пор не вполне понятны. Согласно оперативным телеграммам дело заключалось в допущенных Каменевым дефектах². Есть версия о том, что неожиданное назначение Самойло произошло по решению Вацетиса при поддержке Троцкого в результате конфликта Вацетиса с РВС Восточного фронта (непосредственно с Каменевым и С.И. Гусевым). Сам Вацетис позднее утверждал, что стремился лишь облегчить жизнь начальнику штаба фронта П.П. Лебедеву, которому Каменев якобы мешал проводить разработанный Вацетисом план³. К началу мая срыв наступления белых на Восточном фронте уже наметился, и, возможно, Вацетис просто не хотел, чтобы Каменев пожал лавры победителя Колчака.

Ничем хорошим перестановка не закончилась. По свидетельству Самойло, штаб Восточного фронта во главе с П.П. Лебедевым и РВС были против его назначения, а бывший командующий Каменев и вовсе таил неприязнь еще с дореволюционных времен. Более того, Каменев продолжал жить в Симбирске на квартире Гусева и после приезда Самойло и пытался через Гусева влиять на принимаемые решения⁴. Более того, в середине мая Каменев с подачи Гусева⁵ приехал в Москву, где встречался с Э.М. Складским и В.И. Лениным, причем последний приказал Каменеву отправиться в Серпухов и договориться с Вацетисом⁶. Главком же сообщил Каменеву, что тот был отстранен за невыполнение приказа и недис-

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 129.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 66. Л. 181.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

⁴ Самойло А.А. Указ. соч. С. 250–251.

⁵ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 107.

⁶ Каменев С.С. Записки о Гражданской войне... С. 35–37.

циплинированность. Лишь вмешательство члена РВСР С.И. Арапова несколько сгладило ситуацию.

Между тем, у Самойло возник конфликт с командующим 5-й армией М.Н. Тухачевским. Как отмечал Самойло в позднейшей автобиографии, «этот период явился для меня наиболее тяжелым в смысле сложившейся обстановки моей служебной работы»¹. Самойло подтвердил, что замена была инициативой Вацетиса и шла вразрез с мнением членов РВС фронта². Вацетис в мемуарах описывал ужасы травли Самойло группой Каменева при том, что сам был не меньшим «троцкистом», чем прочие военспецы: «На почве зависти, конечно, против А.А. Самойло выступила целая группа недоброжелателей. Эти недоброжелатели орудовали как в Рев. Воен. Совете Восточного фронта, так и вне его. Троцкисты видели в А.А. Самойло человека, опасного для себя, который не постесняется раскрыть заговорщицкие замыслы троцкистов, а потому решили выжить его с Восточного фронта и вернуть С.С. Каменева. Против А.А. Самойло была поднята гнусная травля»³.

Из-за конфликта с РВС фронта и подчиненными Самойло едва выдержал на новой должности три недели. Уже 25 мая (фактически с 28/29-го) командующим армиями Восточного фронта вновь стал заручившийся в Москве поддержкой Ленина Каменев, а Самойло пришлось вернуться на прежнюю должность. Очевидно, подобные кадровые решения Вацетиса, не имевшие надлежащего обоснования и граничившие с самоуправством и сведением счетов, подрывали авторитет главкома. Оппозицию со стороны РВС Восточного фронта эти его действия только сплотили. В конечном итоге, нельзя исключать того, что эта история добавила Ленину еще один аргумент в вопросе замены главкома.

По мнению Вацетиса, если бы командующим фронтом оставили Самойло, к середине августа Гражданская война на Востоке уже бы закончилась, «но этого энергичного командующего фронтом РВСовет Востфронта постарался вытеснить и очистил место бездарному и слабовольному стратегическому рамоли, чтобы сделать Восточный фронт инструментом в руках троцкистской политики... Для Колчака план С. Каменева являлся находкой: Он мог драться, сколько времени хотел западнее Урала, на Урале и в Си-

¹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 22. Л. 10об.

² Там же. Л. 11.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

бири»¹. Думается, Вацетис здесь несколько лукавил. По его свидетельству, «главное командование не скупилось в средствах воздействия на С. Каменева, чтобы заставить его бросить кунктаторский² способ действий, бросить тактику пуганой вороны. Но все было напрасно»³.

Вацетис этой истории просто так не оставил и доклад Самойло с изложением недостатков организации фронта, представленный ему в частном порядке, направил 9 июня 1919 г. Ленину с сопроводительным письмом: «Ради пользы дела и создания нормальных условий работы на Восточном фронте считаю необходимым этот доклад довести до Вашего сведения»⁴. В тот же день члены РВС Восточного фронта со своей стороны направили Ленину докладную записку, в которой директива Вацетиса была названа «крупнейшей фатальной ошибкой, которая нам может стоить революции»⁵.

Недовольство Вацетиса вызывала остановка фронта на реке Белой в июне 1919 г. (Каменев же позднее, исказив полученную директиву № 2192/оп от 6 июня⁶, утверждал, что этот приказ исходил от самого главкома, и он его выполнять не собирался⁷), а также бездарное преследование белых, загонявшее их все дальше на восток и погоня за пространством вместо разгрома противника в Приуралье, которого добивался Вацетис⁸. Его распоряжения Каменеву приобрели резкий характер. Например, в директиве № 2901/оп от 12 июня Вацетис отметил, что присланный Каменевым план не соответствует обстановке на фронте, намеченный удар придется в пустое пространство, а действия Каменева нарушают Полевой устав. Вацетис прямо указывал, что в деятельности Каменева

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

² Кунктатор – медлительный, нерешительный человек.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 568.

⁵ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): сб. док. Т. 2. М., 1972 (далее – ДКФКА). С. 702.

⁶ ДГК. С. 571–572.

⁷ Каменев С.С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 37.

⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 64; ДГК. С. 577–580; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 268–271.

нева заметны недопустимые упущения¹. В директиве № 2903/оп от 12 июня Вацетис даже указал Каменеву на его «недопустимое кунктаторство, совершенно не отвечающее ни общей политической, ни стратегической обстановке»².

По мнению советского военного специалиста Н.Е. Какурина, в директивах Вацетиса «многословие... и отсутствие четкой формулировки ближайших и последующих задач... и дало, на наш взгляд, повод к недоразумениям, в которых обе стороны могли считать себя правыми»³.

9 июня Ленин, 13-го – Троцкий, а 15-го и 17-го – ЦК и РВСР поддержали распоряжения Вацетиса, признав необходимость переброски войск с Восточного фронта для ликвидации угроз на юге и северо-западе и продолжения наступления на Восточном фронте⁴. Однако РВС Восточного фронта со старыми большевиками С.И. Гусевым (которого Ленин знал около двух десятилетий), М.М. Лашевичем и К.К. Юревым, очевидно, имел большее влияние на председателя СНК, чем беспартийный главком. Неудивительно, что в конечном итоге Вацетис проиграл, а руководство Восточного фронта в лице С.С. Каменева, П.П. Лебедева и С.И. Гусева заняло кабинеты в советской Ставке.

Критика Вацетиса тогда шла с разных сторон и, очевидно, накладывалась на собственные виды большевистского лидера. Ленин первоначально не собирался заменять Вацетиса Каменевым, а видел последнего кандидатом на замену начальнику Полевого штаба Костяеву⁵, но Троцкий, звавший особенности характера Каменева, отметил, что целесообразнее возратить последнего на командный пост – «по всему своему складу это командующий, а не начальник штаба»⁶. Свою роль сыграл и авторитет Каменева как победителя Колчака⁷.

¹ Главкомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 269–271.

² ДГК. С. 582.

³ *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. М., 1990. С. 243.

⁴ *Ленин В.И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 168; ДГК. С. 584; Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919 гг. М., 1997. С. 248–249; *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Неизвестный Троцкий. С. 189–190.

⁵ *The Trotsky papers 1917–1922.* Vol. 1. P. 460.

⁶ *Ibidem.* P. 464.

⁷ *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 107.

По его собственному признанию, Каменев плохо ориентировался в политической обстановке, видевшейся ему «как в тумане». Важную роль в политическом становлении Каменева сыграл С.И. Гусев. Именно Гусев способствовал тому, что на Каменева обратил внимание Ленин. В июле 1919 г. в результате скандального дела Полевого штаба, ставшего проявлением политической борьбы группировок в большевистском руководстве, Вацетис был смещен и арестован вместе со своим ближайшим окружением, а новым главнокомандующим стал Каменев.

Ближайшим соратником Каменева в Гражданскую войну как на Восточном фронте, так и на посту главкома стал П.П. Лебедев – бывший генерал и талантливый генштабист. Перебрался в Ставку и покровитель Каменева Гусев, ставший военкомом Полевого штаба¹.

По мнению Вацетиса, Каменев заранее узнал, что будет назначен главкомом и стал готовить наступление на Южном фронте. С этой целью, примерно за полмесяца до своего вступления в должность еще на Восточном фронте он разработал план борьбы с Деникиным, предусматривавший действия по недопущению его соединения с армиями Колчака и наступления Южного фронта левым флангом через Донскую область. Реализуя свой замысел, он, если верить Вацетису, в обход главного командования и вопреки задачам своего фронта стал стягивать силы за правым флангом Восточного фронта для их будущего использования на юге и удара от Саратова². Однако к моменту назначения Каменева главкомом такой план уже устарел, так как Колчак был разгромлен, и соединение его с белыми армиями Юга России представлялось маловероятным. Тем не менее, Каменев с настойчивостью, заслу-

¹ Между прочим, кандидатуру Гусева предложил Троцкий (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85).

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 20. Л. 64. Также см. критику плана Троцкий: РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 271об. Еще в начале июля на Южный фронт с Восточного перебрасывались 7-я и 31-я стрелковые дивизии (ДКФКА. Т. 2. С. 274, 721), однако вызвавшие недовольство Вацетиса решения Каменева о сосредоточении сил для Южного фронта относятся к более позднему времени. По всей видимости, речь шла о сосредоточении 25-й и 28-й стрелковых дивизий, а также Казанской и Саратовской бригад, которые должны были войти в состав Особой группы В.И. Шорина, созданной 23 июля 1919 г. (Там же. С. 290). Как известно, в итоге 25-я дивизия на Южный фронт переброшена не была.

живавшей лучшего применения, взялся за реализацию собственного плана удара по Деникину, хотя существовавший к 22 июня 1919 г. план его оппонента Вацетиса, который предусматривал нанесение главного удара силами 14-й, 13-й и 8-й армий (из района Полтава – Курск – Воронеж) через Донбасс к Новочеркасску¹, намного больше соответствовал обстановке².

Несмотря на крайнюю тенденциозность мемуаров Вацетиса, определенные факты в них присутствуют. В самом деле Каменев сразу же после своего назначения приступил к реализации плана удара по Деникину. План Каменева (директива от 23 июля) предполагал начало операции в августе³. Главный удар в направлении на Царицын и Донскую область в середине августа должны были нанести располагавшиеся на левом фланге фронта 9-я и 10-я армии, которые сводились в Особую группу В.И. Шорина – бывшего командующего 2-й армией и Северной группой Восточного фронта, которого Каменев хорошо знал по совместной службе на Восточном фронте.

Каменев проявил большое упорство в отстаивании своего плана, предусматривавшего в противоположность плану Вацетиса главный удар силами 10-й и 9-й армий через те районы, где красных ждало наиболее ожесточенное сопротивление антибольшевистски настроенного казачества. План Каменева поддерживал Ленин, слабо разбиравшийся в стратегических вопросах. В результате августовское наступление советского Южного фронта провалилось⁴, а белые вышли на дальние подступы к Москве (дошли до

¹ ДГК. С. 433. Впрочем, план предусматривал вспомогательный удар 10-й и 9-й армий, которые должны были двигаться по левому берегу Дона и отрезать белым отход на Северный Кавказ. По всей видимости, в идеале Вацетис рассчитывал окружить противника. Однако при реализации этого удара в казачьих районах красных ожидало ожесточенное сопротивление.

² Такой точки зрения придерживался и один из командующих советским Южным фронтом А.И. Егоров (*Егоров А.И.* Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 180, 182).

³ ДГК. С. 438–439. Вацетис 22 июня 1919 г. планировал нанесение главного удара в районе Донской области и Украины (Там же. С. 433).

⁴ Подробнее об этой операции см.: *Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

Орла и Мценска, что несло угрозу главному советскому арсеналу – Туле), поставив под угрозу существование Советской России¹. Планы пришлось срочно менять и экстренно спасать положение посредством скоординированных действий фронтов, в результате чего удалось достичь перелома.

Вацетис в конце 1919 г. с обидой писал в своих неопубликованных мемуарах об отсутствии преемственности в советской стратегии после его замены Каменевым: «После ареста 8 июля никто не поинтересовался узнать, каков же был план дальнейшей деятельности смещенного главнокомандующего. Его бывший начальник штаба, Костяев, тоже был арестован, арестованы были также ближайшие сотрудники Костяева и Вацетиса из лиц Генерального штаба. Таким образом, новый главнокомандующий приехал и стал развивать свои оперативные работы на совершенно новой платформе. Такая практика допустима лишь в том случае, когда налично имеются полные, определенные и исчерпывающие доказательства того, что работы прежнего командования не приносили никакой пользы. Этим условиям ни в коем случае не было... Стратегия главнокомандующего Вацетиса заслуживала того, чтобы с нею познакомиться поближе и взять оттуда все, что было полезно. Примеры из военной истории подтверждают, что такое бесцеремонное разрушение ставки не могло привести непосредственно к боевым успехам и подобные действия всегда сопровождалось неблагоприятием в области стратегии. В августовском наступлении уже при новом главнокомандующем это вполне подтвердилось. На своем кратковременном пребывании на посту новый главнокомандующий, очевидно, не успел войти в курс дела, не успел ознакомиться с общим положением Республики, не успел нащупать особенностей обстановки на Южном фронте. По-видимому, он принял этот пост, имея наготове план действий, разработанный где-то заранее, на чисто схоластических началах и на предположениях, лишенных ясного представления о специфических особенностях не только Южного фронта, но и общей стратегической и политической обстановки нашего военного лагеря. Ничем иным нельзя объяснить направление главного удара на фронте донского казачества.

¹ Оценку развития этого ошибочного плана Троцким см.: *Троцкий Л.Д.* План операций на Южном фронте. Заметки из секретного архива // Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2: 1919 год. Кн. 1. М., 1924. С. 301–303.

Ничем иным нельзя объяснить игнорирование кавалерийского рейда генерала Мамонтова, разрушившего базу Южного фронта в Тамбове, в то время, когда Южный фронт лишь начал выполнение составленного плана, имея у себя в тылу столь внушительные кавалерийские силы противника. В таком случае никоим образом уже составленный план не мог быть начат своим выполнением в прежнем своем виде»¹.

Симптоматична характеристика Каменева, данная Вацетисом: «Полковник Сергей Сергеевич Каменев был начальником оперативной части 1 армии Ренненкампфа. Своим бездействием и неумением оценить обстановку Каменев в значительной мере содействовал разгрому немцами армии Самсонова, а также беспорядочному бегству армии Ренненкампфа в начале Великой войны»². Характерно, что и Бонч-Бруевич недолюбливал Каменева за его деятельность в 1914 г.: «Я давно и довольно близко знал Каменева и понимал, что не сработаюсь с ним. Его нерешительность, известная флегма, манера недоговаривать и не доводить до конца ни собственных высказываний, ни принятых оперативных решений, – все это было не по мне... во мне говорило не обиженное самолюбие, а боязнь совместной работы с таким офицером, которого я никак не считал способным руководить давно превысившей миллион бойцов Красной армией»³. Таким образом, Бонч-Бруевич не видел продолжения своей службы при Каменеве. Личные взаимоотношения вновь повлияли на важнейший кадровый вопрос. К сожалению, сведений об отношении Каменева к Бонч-Бруевичу выявить не удалось – из всех троих основоположников РККА он единственный не оставил подробных воспоминаний.

Как главком Каменев руководил борьбой на всех фронтах – против генерала Юденича под Петроградом, против поляков в период советско-польской войны (Каменев был разработчиком планов наступления на Польшу), против генерала Врангеля на Юге (в последнем случае Каменев лично участвовал в разработке плана Перекопско-Чонгарской операции). После завершения широкомасштабной Гражданской войны в ноябре 1920 г. Каменеву приходилось руководить операциями по ликвидации бандитизма, повстанческого движения, по подавлению восстания в Карелии

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–47.

² Там же. Л. 26.

³ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 353.

(Каменев даже выезжал на театр военных действий), руководил борьбой с басмачеством, непосредственно находясь в Туркестане. В ходе этой борьбы был ликвидирован Энвер-паша, пытавшийся противостоять большевикам под лозунгами панисламизма.

Каменев удостоился неоднозначной оценки современников и потомков. Недоброжелатели отзывались о нем как о «человеке с большими усами и маленькими способностями». Ленин, считавший Каменева своим выдвиженцем, также неодобрительно отзывался о новом главкоме. Ему ничего не стоило написать, например, в ноябре 1920 г.: «Глупый доклад главкома о Кавказе...»¹ В ответ на другой документ Каменева о борьбе с бандитизмом, Ленин написал Склянскому: «Ответ глупый и местами безграмотный. Отписка бюрократическая вместо дела... внушите Пол[евому] штабу, что надо работать, а не отписываться»².

Важную характеристику Каменева дал Троцкий. По его мнению, Каменев «отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки, не были ему ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизии, снятые с Востока, на Волге и ударить на Кубань, исходную базу Деникина. Именно из этого плана он и исходил, когда обещал вовремя доставить дивизии, не приостанавливая наступления. Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен... Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между Военным Советом (РВСР. – *А.Г.*) и Восточным фронтом. Смилга и Гусев при содействии Сталина изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверяю новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо, то же самое опасение. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса, дружески встретил Каменева и стремился всячески облегчить его работу... Трудно сказать, кто из двух полковников (Вацетиса и Каменева. – *А.Г.*) был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт Великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался несомненно

¹ НИА. Trotsky collection. Box 8. Folder 83.

² НИА. Trotsky collection. Box 7. Folder 36.

влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов... Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения»¹.

В целом Каменев пользовался расположением Ленина. Показателем высочайшего доверия Ленина к Каменеву стало удовлетворение советским лидером неоднозначного требования последнего в октябре 1919 г. Тогда главком потребовал предоставить ему право экспертной оценки правительственных директив по военным вопросам: «Имея же в виду, что военная обстановка во всем ее объеме и глубине наиболее известна главнокомандующему, я считаю необходимым, чтобы всякая директива правительства, предварительно облечения ее в формулу решения правительства, сообщалась в проекте на заключение главнокомандования.

Если затем правительство все же признает необходимым дать директиву, не согласованную с заключением главнокомандования, то последнее, приняв ее к исполнению, обязуется представить Правительству в письменном виде свои заключения о несоответствии полученной директивы»². 22 октября 1919 г. требование было Лениным уважено³.

Именно при Каменеве Красная армия одолела всех своих врагов и вышла победительницей из Гражданской войны. Каменев был активным сторонником наступательной стратегии как единственно возможного способа ведения боевых действий в Гражданской войне, крупным военным администратором, но был вынужден крайне осторожно вести себя в отношении партийного руководства и заискивать перед ним.

Личные отношения видных военспецов важны, но не менее значимо отношение к ним партийного руководства. Кратко рассмотрим, как воспринимали трех своих наиболее значимых военспецов лидеры большевистской партии Ленин и Троцкий. Объективным показателем является контент-анализ их документов. По нашим подсчетам, Ленин чаще всего упоминал Каменева (45 раз), затем Вацетиса (26 раз) и Бонч-Бруевича (6 раз). При этом в по-

¹ *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 104–107.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 164об.

³ Там же. Л. 168.

ложительном контексте он отзывался о Каменеве и Вацетисе дважды, а о Бонч-Бруевиче – один раз. В нейтральном (деловом) тоне о Каменеве 36 раз, о Вацетисе 22 раза и о Бонч-Бруевиче – 5 раз. А в негативном ключе о Каменеве 7 раз и о Вацетисе – 2. Негативных упоминаний Бонч-Бруевича обнаружить не удалось. В силу объективных причин Лениным чаще остальных упоминались главкомы Вацетис и Каменев. Причем Каменев, занимавший пост главкома дольше Вацетиса, упоминался значительно чаще. Помимо большей продолжительности его пребывания на посту главкома, по всей видимости, он ближе стоял к Ленину и оказывал на большевистского лидера большее влияние, нежели его предшественник. Об этом свидетельствует и то, что Каменев лидирует как по нейтральным, так и по отрицательным упоминаниям Лениным. Тесно сотрудничал с Лениным и Бонч-Бруевич, хотя частота его упоминаний намного ниже. Лишь единичные упоминания Бонч-Бруевича, Вацетиса и Каменева Лениным имеют действительно положительный характер. Вместе с тем из всех троих родоначальников РККА только Бонч-Бруевич удостоился самого восторженного ленинского эпитета – в 1922 г. в письме И.В. Сталину Ленин назвал Бонч-Бруевича «выдающимся царским генералом»¹. Частотность упоминаний всех троих Троцким примерно похожая. Каменев упоминался им 18 раз, Вацетис – 17, Бонч-Бруевич – 6. В положительном контексте Каменев и Вацетис упоминались по 5 раз, Бонч-Бруевич – 2 раза, в нейтральном – 13, 11 и 4 раза соответственно, негативно упоминался один раз только Вацетис².

Ленин и Троцкий высоко ценили своих главных военспецов. Троцкий признавал их роль в победе Красной армии, причем Каменева в 1922 г. даже поздравил с трехлетием пребывания в должности главкома.

Как правило, такой субъективный фактор, как особенности характера и личные взаимоотношения представителей высшего командного состава исследователями игнорируется. Между тем, когда речь идет об оценке деятельности высшего командования, мелочей не бывает.

¹ Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 290.

² Подробнее см.: Ганин А.В. Большевистские вожди о военспецгах-генштабистах // Клио (Санкт-Петербург). 2013. № 7. С. 104–107.

Казалось бы, Красная армия находилась под полным контролем большевиков, и фактор личностных особенностей бывших офицеров, а, тем более, их взаимоотношений никоим образом на вопросы военного строительства влиять не мог. Однако это не так.

Будучи поставлены на высокие посты в новой армии, первые ее руководители из военспецов не только внесли огромный вклад в создание РККА, но также привнесли в военное строительство и сопровождавший их багаж жизненного опыта и взаимосвязей, что не замедлило отразиться на становлении армии.

Казалось бы, малозначительный конфликт Бонч-Бруевича и Вацетиса, возникший и усугубившийся на почве личной неприязни и соперничества, способствовал формированию Восточного фронта РККА не по прежнему образцу отрядов завесы, как предлагал ВВС. Затем на волне углублявшегося конфликта с Вацетисом и после того, как была озвучена идея упразднения ВВС и назначения Вацетиса главкомом, Бонч-Бруевич был вынужден подать в отставку. Одним из следствий этой отставки стало ускорение военно-административной реформы в РККА – упразднения ВВС, создания РВСР и его структур, а также учреждения поста главного командующего, которым после ухода из руководства РККА своего оппонента стал Вацетис.

Конфликт Вацетиса с его преемником на посту главкома Каменевым сказался на кадровых перестановках весны – лета 1919 г. Тогда сначала Вацетис отстранил Каменева от должности командующего Восточным фронтом, как оказалось временно, а затем уже сам Каменев, в том числе в результате мощной поддержки РВС Восточного фронта, не только вернул себе прежний пост, но по решению партийного руководства практически вместе со своим штабом сменил Вацетиса и его окружение в советской Ставке. В процесс смещения Вацетиса и кадровые игры оказался вовлечен и Бонч-Бруевич. Возможно, в том, что к этому делу привлекли и его, сыграло свою роль известное партийным лидерам его неприязненное отношение к Вацетису. Совместная работа двух непримиримых противников оказалась невозможной. Однако после ареста Вацетиса невозможной в силу личного фактора оказалась и совместная работа Бонч-Бруевича с Каменевым.

Неприязненные отношения высокопоставленных военспецов, несомненно, отрицательно сказывались на вопросах военного планирования, приводили к сложностям в управлении войсками и к отказу от реализации планов, разработанных оппонентами, даже

если в них имелось рациональное зерно. Первые трудности в этом отношении возникли на Восточном фронте, когда Каменев сначала не сумел разгромить живую силу противника в Приуралье, как того хотел Вацетис, а лишь теснил ее. Затем Каменев, по-своему интерпретировав директиву главкома, по существу отказался ее выполнять. Коснулось это и отказа Каменева от реализации предложенного Вацетисом плана наступления на Южном фронте. Упорное выполнение Каменевым своего плана привело к неудачам на Южном фронте в августе-сентябре 1919 г. и имело следствием то обстоятельство, что Советская Россия осенью 1919 г. оказалась на краю гибели. Лишь после этого вернулись к идее наступления на украинском направлении, которую прежде и при несколько иных условиях предлагал Вацетис.

Таким образом, фактор сложных личных взаимоотношений трех видных военных специалистов самым серьезным образом сказался на особенностях строительства Красной армии, кадровых изменениях в ее руководстве и вопросах военного планирования.